

ЛИТЕРАТУРА, ОЧИЩЕННАЯ ОТ ЛИТЕРАТУРЫ

В поисках сокровенной сути искусства прозы мэтры в первые годы нашего столетия набрали на путь, который был объявлен магистралью. Магистраль была названа «натурализмом», так как некоторые исходные положения были взяты у французов в обмен на гравюры Сяраку и Хокусая, использованные импрессионистами.

Но очень скоро японский натурализм откололся от метрополии, создал свой флаг, свои законы, свой диалект. В литературные энциклопедии всего мира нужно непременно включить слово «натурализм японский», отделяя его от европейского, — между ними такое же расстояние, как от манифестов Маринетти до будетлянских «бобэоби пелись взоры».

Историки новой японской литературы старательно перечисляют разные течения, появившиеся среди мэтров в течение последних двух десятилетий. Но хватит пальцев одной руки, чтобы перечислить эти произведения, сочиненные не по «японско-натуралистскому» методу. Еретики и зачинатели новых школок после нескольких публикаций либо уходили из высокой литературы, либо становились лояльными в отношении магистралей¹.

А магистральная поэтика подняла лозунг: предельно-правдивое, протокольное описание жизни. Во главу угла ставится доскональный аскетический протоколизм, репортаж переживаний, разговоров и жестов. Мэтры начинают вытравливать всякую литературность — эпитеты, сравнения, сюжет — из своих вещей. Эта же логика заставила позже парижских супрематистов расправиться с изображением во имя «чистой живописи» без «литературы».

¹ Большинство течений — гуманизм, неоромантизм, психографический монизм и т. д. — представляли собой просто «натуралистские» секты, спор шел не о примате психографии и о поэтике, а о философской настроенности авторов.

Появляется термин «дзюнбунгаку» — «чистая литература», — вернее, очищенная от литературности. Мэтрам стало трудно называть свои вещи — бессюжетные протоколы — рассказами. Они начали употреблять весьма дипломатичный термин «сосаку» — произведение, помещаемое в отделе чистой литературы. Никаких пометок: роман, повесть или новелла. Этими пометками снабжаются вещи западных авторов и «вульгарной» литературы. (Последовательность японских пуристов достойна уважения. Достоевского критики из клана мэтров высокой литературы квалифицировали как «великого романиста низкой литературы», Поль Моран идет с наклейкой, против которой, правда, можно не возражать: «женского массового беллетриста», отрывки из пильняковского «О-Кэй'я» не были помещены в отделе «сосаку», а рядом со статьей о мининделе Утида и статистическим очерком о проституции в Японии).

Мэтр Сатоми откровенно озаглавил один из своих сосаку: «Повествование, из которого не получилось рассказа». Характерны такие заглавия: «Описание переживаний мужчины, брошенного женщиной» (Такэбаяси Мусоан) или «Психологический пейзаж» (Макино).

Чаще всего описывается один день или период жизни отдельного героя или его окружения. Регистрируются все недомогания персонажей, описывается все вплоть до естественных отправлений, перечисляется родня со всеми именами, адресами, привычками, хотя все эти моменты никакой роли в ходе повествования не играют, потому что сюжета нет; случайные персонажи — прислуга, которая подала гостю сандалии или провела его в уборную, человек, встреченный мимоходом на улице, изображаются зачастую досконально; если герой и его жена сходили в магазин, то перечисляется, что они купили, по какой цене; разговоры за обеденным столом, на улице, в постели, бессвязная болтовня о пустяках, мысли про себя — все приводится со стенографической правдивостью; пейзаж дается без эпитетов — название местности или улицы, топографические детали — описываются так же

деловито и лаконично, как обстановка действия в тексте пьесы.

Беру на удачу с книжной полки два сосаку: 1) Кодзима — «Физиология набухания», описание жизни молодоженов, начиная с их переживаний в первые дни после свадьбы и кончая справкой о превентивных средствах (даже их стоимости); кончается сосаку тем, что героиня все же беременеет — разговоры супругов, их огорчение. 2) Танидзаки Сэйдзи¹ — «Утренняя прогулка». В этом сосаку протоколируется утро одного мужчины — он, встав рано утром после болезни, ощущает голод и обходит несколько кварталов в поисках ресторана; с каждым кварталом у него связаны воспоминания о людях, живших здесь, о тех, что он встречал в этом районе, о разговорах с ними. Герой ходит до обеда и наконец садится в трамвай, чтобы закончить сосаку.

Вскоре мэтры решают окончательно освободиться от «литературы», перейти к наклеиванию кусков стекла, волос и кружев на полотна. Начали под маркой сосаку печатать подлинники писем своим женам, любовницам и знакомым (напр., прославленная вещь мэтра Тикамацу, вошедшая в «Библиотеку шедевров новой литературы» издательства «Синтьо», «Письмо жене, с которой расстался»), фрагменты дневников, интимные записи, описание поездок на курорт или в другие города по домашним делам — подлинники «жизненные документы». А от литературного «беспредметничества» было недалеко до того дня, когда мэтры постановили:

— Предельно правдивым, лишенным минимальной дозы «литературы», «сочинительства», может быть только такое сосаку, в котором автор описывает только свою повседневную жизнь, свою семью, своих приятелей, свои дела с изда-

¹ Перевод одного из его романов был несколько лет назад издан в СССР. Роман посвящен описанию перипетий героя, жена которого заболевает в начале романа и болеет до последней страницы, не выздоравливает и не умирает, потому что тогда получился бы запрещенный прием, т. е. сюжет.

тельствами, свои переживания, неприятности, радости, ничего не примышляя, не утаивая.

Мэтры пришли к эгобеллетристике.

СНИМАЕМ КИМОНО

✓ К эгобеллетризму пришли незаметно. Манифесты, терминология появились задним числом, после того как спохватились, что практика уже началась. К готовой крыше и верхним этажам постфактум приделали теоретический фундамент.

Вожаки взбираются на кафедру:

— Эгобеллетристика в истинном смысле этого слова является основой, фарватером, квинт-эссенцией искусства прозы. Все то, что не входит в эгобеллетристику — вульгарная литература! (Кумэ Масао).

— Эгобеллетристика составляется из тех произведений, за которые можно поручиться, что они не содержат лжи! (Он же.)

— Пусть литература превратится в дневники авторов! Тот, кому это будет не интересно, пусть не читает! (Танидзаки Сэйдзи.)

О своем окружении, о мелочах своего повседневного бытия, семейных дразгах, любовных шашнях, развлечениях в писательских кафе, пьянках, занятиях спортом, игре в маджан, ссорах с другими преждеродившимися о том, как пишется сосаку, о муках перед белой бумагой накануне срока представления рукописи, звонках из редакций, денежных комбинациях — эгобеллетристика заставила мэтров быть предельно откровенными. Мэтр Сато Харуо в лекции о литературе¹ заявляет: «Писатели обязаны писать эгобеллетристику. Писатель не должен обращать внимания на то, что может

¹ «Хрестоматия скуки ради».

подумать о нем свет, или на то, что он может нанести ущерб своему имени. Писатель обязан говорить о себе правду. Он должен сообщить всем: моя жизнь состоит в том-то и том-то. Это — привилегия писателя, это его счастье».

Входят в моду заглавия произведений в первом лице:

«Меня сочли объяснителем картин в кинотеатре».

«Почему я не пошел на похороны».

«Гуляю с братом».

«Открываю окно».

«Ненавижу отца».

«Плаваю перед детьми».

«Посылаю венок».

«Слушаю монаха».

«Вижу комаров».

«Обманиваю жену».

Критическая статья: «Боюсь быть ошибочно понятым».

А словарь литературных терминов обогатился серией новых выражений. В журналах, в литературных обзорах, где критики до сих пор изъяснялись на мадамкурдюковском языке, вправляя в каждую фразу английские слова, приспособленные к японской фонетике: сутаиру, нобэру, райфу, риариэдзуму, рокарукара и т. д. — самыми употребительными стали термины:

Синкьо-сьосэцу — психографическая беллетристика.

Симпэндзакки-сьосэцу — беллетристика, описывающая все мелочи, непосредственно окружающие пишущего.

Гэнко-сакуся-сэйкацу-сьосэцу — беллетристика, описывающая жизнь авторов рукописей.

Если до сих пор большинство литературных терминов было иностранного происхождения (европейского или китайского), то эгобеллетристы пустили в ход термины отечественной продукции. А это означало, что литературная Япония уже освободилась от иностранной зависимости, перешла к самобытной продукции.

На мировом рынке культуры за японцами закреплены патенты на следующие изобретения: танка, хайку¹, кабуки, чайный церемониал², искусство «икэбана»³ и цветная ксилография.

Мэтры рассудили, что их изобретение тоже имеет все права на мировой патент и должно быть поставлено рядом с перечисленными выше японскими достопримечательностями.

Крупнейший критик Икута заявляет:

«Часть критиков уже стала говорить о том, что мастерство рассказа в Японии за последнее время, в среднем, не уступает европейско-американской новеллистике, скорее даже превосходит ее — настолько повысился у нас уровень искусства беллетристики».

А другой критик констатирует:

«Японский рассказ ничем не отличается от чайной церемонии или искусства «икэбана» в том смысле, что ничто в мире не может быть поставлено рядом с ним.

Вероятно, японский рассказ займет такое же место, какое занимают эстампы Утамаро».

С глубоким уважением мэтры посмотрели друг на друга. Мэтр Уно публично объявил эгобеллетристические сосаку мэтра Кассаи «единственными в своем роде в мире». Критики, обязанные в силу своей профессии быть трезвыми и сдержанными в оценках, ограничились только указанием на то, что «Кассаи стоит наравне с французом Бальзаком».

¹ Хайку — стихотворение из семнадцати силлаб, например, пушкинское: «Был вечер. Небо меркло. Воды струились тихо. Жук жужжал».

² Чайный церемониал — кодекс правил угощения чаем; роспись жестов, телодвижений, способов сервировки чая — ритуал театрализованного, «обыгрываемого» чаепития. Старым замосквореченцам, пившим чай с блюдечка на трех пальцах, с полотенцем, с определенным подбором варений, эта японская наука не показалась бы идиотством.

³ Икэбана — кодекс правил подбора цветов, комбинирования букетов и т. д.; вместе с танкосложением и чайным церемониалом составляет «политес-минимум» благородных девиц.

Мэтрам стало грустно, они подумали: вряд ли европейцы, которых они наконец-то догнали, поймут эгобеллетристику — вершину японской высокой литературы. Японцы знают: французы несмотря на комплименты посла Клоделя и Эдмонда Жалу, только делают вид, что понимают суть поэзии хайку.

«Если так дело пойдет дальше, я думаю, что наша психографическая беллетристика станет еще более недоступной, чем хайку» (мэтр Огури).

Другой мэтр, вздыхая, сказал:

«Если мы, исходя из того, что японская новеллистика достигла наивысшего развития в аспекте мировой литературы, переведем образцы на иностранные языки для демонстрации — вряд ли иностранцы смогут понять квинт-эссенцию, непередаваемый вкус наших рассказов».

Не-японцы не поймут, никогда не поймут, но туземные постоянные читатели произведений мэтров сразу поняли и оценили вкус эгобеллетристики. Потому что они были подготовлены к восприятию этих хайку XX века в прозе благодаря так называемому «госсипу», от английского слова «gossip», что значит «сплетня». Так называется отдел литературной хроники, обязательная принадлежность каждого номера каждого литературного журнала.

Впервые госсипу появился в журналах в последние годы прошлого века, тогда он был обычной хроникой: давались сведения, что пишут писатели, что хотят написать, какая книга скоро выйдет.

Но затем хроника начинает с каждым месяцем терять строгий облик; вместо извещений о новых работах писателей стали все чаще появляться информации о частной жизни мэтров. Заведующие отделами госсипу перестали удовлетворяться тем, что происходит в писательских кабинетах, они стали тихонько раздвигать бумажные двери других комнат, и рост нескромности госсипов был прямо пропорционален росту их популярности среди читателей.

На одном из гаппьокаев шеф журнала «Синтьо» Накамура объяснил успех отделов госсипу:

«Я полагаю, что все, кто интересуется литературой, должны интересоваться и кулисами литературы; те, кто читают литературные произведения, должны интересоваться личной жизнью авторов и их настроениями».

О характере и стиле заметок госсипных отделов можно судить по следующим цитатам, взятым из первого попавшегося под руку литературного журнала:

Из «Бунгэй Сюдзю» («Литературная летопись»):

✓ Писатель Токуда. — В конце июля путешествовал по северу Японии. По возвращении из поездки стал жить с г-жей Ямада Дзюнко. Он говорит, что чувствует к ней нечто вроде любви.

Писатель Симадзакки. — Несмотря на то, что объявил себя больным, опубликовал в журнале «Кайдзо» повесть в сто пятьдесят страниц.

✓ Писатель Мидзумори. — Перестал пить любимое саке и все силы теперь посвятил редактированию журнала «Эссэ».

Из журнала «Синтьо»:

Кумэ собирается жениться. Наверно после брака проповедуемый взгляд о светлом и сладостном искусстве приобретет глубину и широту.

Из журнала «Бунто» («Литературная корпорация»):

Передают, что писателю Камия запрещен вход в редакцию «Литературной летописи». Возможно, что этот тип, поддавшись игривому настроению, попробовал поволочиться за одной из учениц Кикуты. Кикута — ужасный дурак. Писатель Сакаи, как передают, хочет создать группу драчунов. Он хвастается своей силой, но тем не менее во время драки с презеродившимся Ямаути в кафе «Лайон» ползал на четвереньках.

Ограничимся этими примерами, отметив только, что такие заметки считаются обычными: «Жена писателя Има и писатель Мудзуками вступили в адюльтерную связь». «Писатель Кассаи часто после выпивок бьет свою любовницу г-жу Осэй».

Мэтры относятся к госсипным прохватываниям очень благодушно, потому что рекламный момент с лихвой компен-

сирует момент компрометации. Покойный мэтр Акутава выступил даже с аполлогией госсипа. Он указал на то, что интерес к госсипу, страсть к сплетне, является одной из движущих сил мировой литературы. Илиада, например, по мнению мэтра, является не чем иным, как госсипом о греческих богах в гекзаметре¹.

Эгобеллетристика была воспринята (читателями госсип-хроники как тот же госсип, только развернутый в рассказ.

АВТОРЫ—ГЕРОИ—МОДЕЛИ

Эгобеллетристика превратила мэтров в героев своих произведений.

Мэтр Кумэ Масао долго ухаживал за дочерью маститого мэтра Нацумэ, мысленно перелистывая свой будущий объемистый роман-сосаку с счастливым концом. Автор-герой построил свою любовную тактику в полном соответствии с заранее составленным планом произведения. Но дочь Нацумэ вдруг выдвинула свой вариант, отвергла Кумэ, вышла замуж за третьестепенного литератора Мацуока.

Возмущенный вдвойне как автор и как герой, Кумэ пишет роман «Корабль, потерпевший кораблекрушение», где, изложив всю историю крушения своего литературного и любовного одновременно романа, вымазал тушью ворота дома новобрачных. Мацуока, чтобы реабилитировать перед историей японской литературы свою жену, выпустил ответный роман «Защитники цитадели». Беллетристическая перебранка на этом не кончилась: Кумэ написал серию сосаку на тему этого треугольника. Ввязался мэтр Кикүти — друг обоих соперников, опубликовал сосаку «Между двумя друзьями»,

¹ Ср. с цитатой из «Встреч» В. Пяста: «А. М. Ремизов открыл мне секрет: «Сплетня, говорил он, очень нехорошая вещь вообще, в жизни, в обществе; но литература только и живет, что сплетнями, от сплетен и благодаря сплетням».

где осветил историю с точки зрения третьего, радующегося по поводу увлекательной темы.

Такая же беллетристическая полемика, только в трамвайном тоне, произошла между мэтрами Уно и Эгути (сперва был мэтром, потом плюнул на всех и вступил в союз пролетарских писателей) из-за того, что последний весьма аккуратно описал, как Уно растлил девочку-прислугу.

Мэтр Кассаи сперва изменил своей жене — об этой измене вся страна была немедленно оповещена госсипами, — а потом написал на эту тему цикл сасаку, покрыв все расходы на любовницу. Мэтр Тикамацу Сюко развелся со своей женой, написал ей длинное письмо, подложив копирку, письмо послал с надписью «лично» бывшей жене, копию письма с надписью «сасаку» послал в редакцию журнала.

В Автор произведения и герой произведения слились в одно. Критикам приходится, разбирая творчество или отдельные вещи мэтра, делать экскурсы в его личную жизнь, критиковать одновременно композицию произведения и склонность автора к алкоголизму. В большинстве случаев в роли критиков выступают сами писатели, и зачастую критические статьи служат удобным предлогом для сведения личных счетов. Пример: статья писателя Сува о творчестве мэтра Кассаи в журнале «Синтьо», номер лежит передо мной на столе. Сува, разбирая творчество Кассаи, досконально излагает историю своей ссоры с Кассаи, чуть-чуть не кончившуюся дракой. Критик откровенно заявляет: «Я ненавижу сейчас Кассаи. Поэтому о его хороших сторонах молчу, не хочу обращать на них внимания». Другой критик Кассаи — Кобаяси, — анализируя новеллы мэтра, весьма тщательно описывает страсть последнего к рисовой водке. Критик Кавабата в статье, посвященной произведениям выдвинувшегося за последние годы мэтра Йосимура, говорит о мучениях писателя из-за уродства, щуплости и темной кожи и делает вывод: «Можно полагать, что одной из причин нынешнего состояния творчества Йосимура являются его физические недостатки».

В ежегоднике-календаре крупнейшей в Японии газеты

«Осака Майнити» печатается каждый раз обзор литературы за истекший год под названием «Литературный мир». Беру один из ежегодников и нахожу обзор, где даются общая характеристика последних течений в литературе, список продукции мэтров и следующие строки:

«Итак, в истекшем году в литературе было затишье, но в личной жизни литераторов было много событий. Особо отметим, что в то время как в предшествовавшем году у писателей было много бракоразводных дел, в отчетном году происходили исключительно любовные истории».

Прежде всего общее внимание было сосредоточено на инциденте с писателем Симада Сэйдзи. Инцидент заключался в том, что Симада 5 апреля увлек с собой старшую дочь контр-адмирала Фунаки-Йосиэ (сестру писателя) на курорт Дзуси и остановился в гостинице «Йосинтэй», прописавшись в качестве супружеской четы адвоката Ясиро. 12-го м-ль Йосиэ была вызвана в полицию за сокрытие настоящей фамилии и на допросе заявила, что ее соблазнил Симада, отнял пятнадцать эн и невинность».

Далее говорится о том, как этот инцидент был улажен благодаря вмешательству мэтра Токуда.

Вслед за инцидентом Симада-Фунаки идет изложение трагической истории с писателем Арисима:

«Следующим событием, всполошившим все общество, является самоубийство писателя Арисима с сотрудницей женского журнала г-жей Хатано 6 июня на даче в Каруидзава.

Это событие вследствие того, что фигурировал Арисима, и того, что партнершей являлась чужая жена, вызвало всеобщую сенсацию, и в свое время не было ни одного человека в Японии, который не говорил бы об этом происшествии.

После того как издатель журнала «Идзуми», помещавший исключительно вещи Арисима, подробно описал всю историю, все общество начало порицать мужа покойной за низость и выражать сочувствие писателю. Статьи сочувственного свойства были помещены в журналах «Женское публичное мнение» и «Центральное обозрение»; разошелся полностью номер «Реконструкция», специально посвященный смерти писателя; журнал «Культурная жизнь» выпустил номер под названием «Номер о настоящем человеке — Арисима». Передают, что перед дачей в Каруидзава в течение долгого времени красовались цветы — подношения почитателей.

Вскоре после этого писатель Мусякодзи вступил в связь с жительницей «Новой деревни» Иикава Ясу, и последняя за беременела. Жена же Мусякодзи г-жа Фусако завязала роман с юношей по имени Отиан Тэйдзо.

Следующий пример неразделимости автора и героя в глазах критики — из стенограммы гаппьокая журнала «Диссонанс». Гаппьокай был посвящен творчеству маститого мэтра Токуда Сюсэй, участвовало шесть писателей во главе с Накамура, присяжным томадой гаппьокаев. На ряду с идеологией произведений мэтра, прогнозами о перспективах его творчества, в фокусе внимания собравшихся оказались животрепещущие подробности личной жизни автора. Цитируем фрагменты:

Накамура. — ...Наша критика Токуда будет разделена на пять пунктов, причем первый пункт будет посвящен любовным похождениям писателя за последнее время. Есть опасения, что такое обсуждение критикой личной жизни не совсем удобно, но дело в том, что газеты уже достаточно писали по этому поводу, сам Токуда тоже публично высказывался на эту тему, написав ряд сосаку, тема коих чрезвычайно близка к фактической стороне дела. Поэтому не будем считать неудобным обсуждение этих вопросов. Итак, прошу начать откровенную критику и первым долгом разобрать недавний романический инцидент. Как вы, господа, относитесь к тому, что пожилой писатель, которому скоро будет шестьдесят лет, по прошествии менее чем полгода после смерти жены ринулся в водоворот пылкой любовной истории?

Участники гаппьокая начинают обсуждать рассказ Токуда «На прежнюю ветку», в котором писатель описал свою любовь к г-же Ямада. Споры — любовь это или просто проявление страсти, когда появилось это увлечение, до смерти жены или позже. Собрание критиков переходит к характеристике героини г-жи Ямада.

Фудзимори (обращаясь к Накамура). Что это за женщина?

Накамура. Я не знаю ее, не приходилось часто встречаться.

Окада. По словам Токуда — очень интересная женщина.

Асахара. Судя по газетным сведениям — да. Отличается от обычного типа женщины, от типа матерей эпохи Мэйдзи. Она сходилась со многими, убегала, пряталась—хотя у нее есть дети...

Фудзимори. Ее поведение объясняется ее судьбой.

Асахара. Ну, не только судьбой, но и характером.

Моримото. Характер Дзюнко не представляет интереса сам по себе. Дзюнко стала более или менее интересной для нас потому, что ее судьба связалась с судьбой Токуда. Только благодаря этому ее жизнь получила смысл.

Асахара. Дзюнко сама по себе не интересна, о ней говорят только потому, что она имеет отношение к Токуда.

Хорики. Токуда в своих писаниях ее защищает, может быть это слово не подходит, но во всяком случае говорит, что Дзюнко вовсе не такая женщина, как о ней думают...

Асахара. Я не думаю, что Дзюнко переходила от одного к другому против своей воли.

Фудзимори. Я не говорю, что против воли, я только хочу сказать, что это не проистекает от ее безнравственности.

Асахара. А я думаю, что г-жа Дзюнко просто похотлива.

Фудзимори. Вряд ли она так сладострастна. (Смех всех участников.)

(Дальнейшее обсуждение творчества писателя с попутным анализом его интимной жизни проводится в таком же стиле).

Мастера стали жить без тайн перед читателями, как обезьяны зоосада, каждый месяц сушить свои дневники в литературных еженесячниках, которые превращаются в выставку откровенностей.

В журнальчике для молодых авторов заводят отдел: «Я и мое окружение», в этом отделе мастера поочередно публикуют свои признания. Для примера беру фрагмент одной из статей, помещенных в этом отделе: мэтр Асахара — «Писательская жизнь так, как она есть».

Я не могу жить так, чтобы целый день торчать в кабинете. Это так же мучительно, как сидеть в тюрьме. Я пользуюсь кабинетом только тогда, когда мне нужно продемонстрировать возбуждение моего духа. В остальное время я не сижу в кабинете.

✓ Для каждого моего дня необходим трамвай-экспресс. Необходимы два-три кафе на Гиндзе. Необходим разговор с женщинами, родившимися после 1900 года. Необходима беседа с друзьями.

✓ ...Очень часто я ощущаю творческий подъем в клозете. Очень часто у меня в уме рождается произведение во время разговора с женщиной. Когда я гуляю с любовницей, я думаю о сосаку, который начну писать вечером.

...Я имею жену. Двух детей. Прошло семь лет семейной жизни. Проведя семь лет в кругу своей семьи, я не смог сделаться хорошим мужем. Хорошим папой. И теперь, как и в период холостячества, я веду капризную, беспорядочную, несдержанную, своевольную жизнь. Жена не знает, что такое универмаг Мицубиси, что такое театр «Империяль» — это тяготит меня. Когда я прихожу домой, дети бросаются на меня, я в этот момент люблю их. Они мне кажутся милыми только в этот миг.

...Из игр я люблю больше всего карты «хана». Я поставил даже рекорд непрерывной игры в карты в течение сорока часов. Не очень почетный рекорд. Мои партнеры — Фудзимори, Кисо, Мамия. Кроме них целое полчище друзей соблазняет меня, подбивает меня на игру.

...Мне не хочется создавать преград в моей жизни. Я хочу испытать все. Бедность я испытал больше, чем все другие. А теперь я хочу испытать, если можно будет, жизнь буржуа максимальным образом. Мне надоело в дождливые дни ходить в деревянных сандалиях или в дырявых ботинках. Я хочу кататься по улицам Токио в машине. Пусть будет «Нэш», пусть будет «Кадилак» — все равно. Потом мне хочется на Гиндзе купить любимых вещей на 10 000 эн.

«Уединенное» и два короба «Опавших листьев» никогда не переплывали через Японское море, они тут ни при чем.

Редакторы журналов каждую неделю выдумывают новые вариации репортажа о мэтрах — интервью-диалоги на философские, кулинарные и сексуальные темы, анкеты: «хорошо ли вам пишется ночью», «какой спорт вы предпочитаете», «что вы намерены делать в будущем году». На последний вопрос мэтр Акутакава, например, ответил так:

1) Я осенью часто совершаю прогулки в районе Табата и завидую тем домам, перед которыми растут хризантемы и георгины. Каждый год думаю купить семена, но забываю. В будущем году думаю непременно купить семена и создать цветник вокруг своего домика.

2) В этом году я повредил здоровье из-за поездок и обилия дел. В будущем году хочу дать отдых голове и телу. Хочу заняться спортом. Врач говорит, надо есть порошок из костей.

Думаю заняться гимнастикой. Усвоил новый метод шведской гимнастики.

3) Когда я пошел к обойщику в Табата, то увидел там автографы Такамура Котаро. Мне они показались мастерски написанными. Хотел бы заняться каллиграфией, ибо пишу плохо. Занимаясь каллиграфией, поставлю целью научиться скорописи, а вовсе не красивому писанию иероглифов. Прошу лиц, которые будут в будущем году получать от меня письма, усвоить основы скорописной каллиграфии.

4) Думаю также написать что-нибудь.

Через несколько лет после великого землетрясения этот мэтр отравился. Накануне смерти он очень интересовался: скоро ли издадут его в СССР. В газетах опубликовали его предсмертное письмо, где он жаловался на свою семейную жизнь, на окружение, на тоску. Одна гимназистка, зачитавшая все книги мэтра до дыр, спешно последовала за преждеумершим.

АНАХРОНИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

Японцы по традиции сохранили летоисчисление по эрам; эры носят высокопарные прозвища: «Ясное правление», «Великая правда», «Светлая гармония». Раньше эры менялись очень часто; игроки в карты, когда идет плохая талия, перебивают ее; когда начинались какие-нибудь неприятности вроде наводнения, землетрясения, эпидемии, придворные академики спешно меняли эру. Иногда, когда шла плохая талия истории, приходилось эры менять чаще, чем деревянные сандалии — через каждый год-два.

Лишь со второй половины XIX века этот метод борьбы с государственными бедствиями был оставлен, эры были прикреплены к императору, входили в действие в час вступления его на престол, прекращались с последним высочайшим вздохом.

Когда на Западе кончилась война, в Японии стоял седьмой год «Великой правды». В конце этого года все семь богов счастья, по примеру Астреи греческих легенд, внезапно скрылись из Японии и их место заступили те самые, кото-

рых ежегодно в определенный день по всей стране изгоняют из каждого дома швырянием гороха и криками: «Счастье в дом! Демоны — вон!». Заклинания, дававшие результаты в течение многих веков, вдруг перестали действовать. Утвердившись всюду, демоны открыли шествие тревожных событий: экономическая депрессия, рисовые бунты, проникновение опасных идей с того берега Японского моря, восстания в Корее, крахи предприятий, раздувшихся во время войны, сибирская экспедиция, сильно подмочившая репутацию многих полков, отстранение императора, впавшего в детство, и т. д. — см. хронологическую таблицу с 1918 г.

Если бы дело происходило в XVIII или XIX веке, эры менялись бы каждую неделю. Если сделать статистический подсчет слов в газетах, первое место по частоте употребления с благополучного года займет слово «фуан» — тревога, беспокойство.

Тревога охватила всю страну от Курильских островов до Формозы.

За исключением только небольшого квартала в городе Токио. Вотчина мэтров продолжала жить попрежнему, редакционные мальчишки развозили на велосипедах заказы на рукописи, мэтры ходили друг к другу в гости, развозили хризантемы и смотрели на газеты как на отчеты астрономического общества.

Анахроническое благополучие мэтров выдержало даже такой искуc, как великое землетрясение 1923 года, опустошившее пять провинций, начиная с токийской префектуры, сила удара которого была равна удачному набегу на столицу американской эскадрильи бомбардировщиков. Мэтры отделались простым испугом. Когда журналы возобновили выход, мэтры начали наперебой помещать эссе и дневники о своих переживаниях в течение трех сентябрьских дней. Ни строчки о помощи жертвам катастрофы, ни слова протеста против массовых самосудов над корейцами, которых, поймав на улице, заставляли произносить слова «сэнсэй» (преждеродившийся) и «какикукэко» (часть алфавита) и за неумение об-

ращаться с фрикативными и смычными согласными превращали в кучу мяса. Ни одного иероглифа о смерти всех политических в камэйдоской тюрьме. Мэтры писали только о себе, о том, как их спасли музы-хранительницы.

Я легко отделался от землетрясения. Когда стало трясти, я моментально выскочил в садик перед моим домом. Когда прошли первые толчки, я пошел проведать своих родственников в квартале Нихонбаси. На обратном пути я пошел к мосту Бансэй, но увидел черные облака дыма. Повернул обратно и увидел, что улица сзади универсама Мицукоси была в огне. На севере горел квартал Канда. Только между Канда и Маруноути был виден просвет синего неба. Я побежал в этом направлении (Кикутти).

Когда вдруг загрохотала земля и начались толчки, я, находившийся в нижнем этаже, с быстротой зайца взбежал наверх. Не знаю, сколько прошло минут. Я изо всех сил поддерживал столб в стене и угол комода.

...Как только толчки ослабели, я быстро выскочил на улицу и добежал до перекрестка. Там уже несметная толпа, жители этого района, собрались в кучу, как мухи (Уно Кодзи).

...Я писал от нечего делать письмо. Вдруг раздался злоеющий гул и начало трясти землю. Дом закрипел. Я подумал, что скоро пройдет, но толчки росли. Дверь между кабинетом и гостиной обрушилась на меня. Тогда я без промедления выскочил на улицу. Прошло всего около одной минуты после первого толчка. В этом районе я был первым человеком, выскочившим наружу (Кумэ).

А мэтр Сатоми публикует торжественную статью под заглавием «Яшма в целости!» со следующими абзацами:

Говорят, что в пяти восточных провинциях было великое землетрясение, которое уничтожило все. Говорят, что будут восстанавливать разрушенное. Но я глубоко уверен в одном. В искусстве не появилось ни одной трещинки, даже такой, которая чуть заметна глазу.

Политические руководители испытают кое-какие затруднения, желая восстановить равновесие в сердцах людей. Финансовый хаос после катастрофы станет мучить торговопромышленников. Развороченные поля принесут горе крестьянам. Но люди искусства — ничего не лишились. Может быть некоторые из них потеряли жилье, родных, кисти и тушиныцы, му-

зыкальные инструменты, но коль скоро они сохранили жизнь, их дух торжественно существует в этом мире!

Эта статья представляла собой успокоительное обращение высокой литературы к читательскому населению.

Мэтр Акутакава на вопрос журнала о влиянии катастрофы на литературу ответил:

Если даже Токио и восстановится после катастрофы, он долгое время будет представлять собой убийственное зрелище. Поэтому мы, писатели, вряд ли сможем интересоваться внешним миром, как было до сих пор. Мы начнем искать что-нибудь интересное в самих себе.

Но дело не обошлось без травмы. Бег по качающемуся переулку сквозь дымовую завесу оставил след в душе мэтра Кикиути. Он написал:

Во время этой катастрофы я понял, что необходимо человеку.

Из магазинов остались только те, которые торгуют самыми нужными предметами для человека: продовольственные магазины.

Галантерейные, антикварные магазины, фотографии обречены на гибель. В магазине музыкальных инструментов, что около моего дома, торгуют бобовым соусом. Бедное искусство!

Очень неприятно убеждаться в том, что, когда речь идет о настоящей, освобожденной от всяких одежд жизни, искусство совершенно бесполезно.

Самым крупным последствием катастрофы для нас является то, что мы потеряли веру в нужность нашей работы.

В результате землетрясения неминуемо оскудение литературы. Одной из причин этого будет — утрата веры в литературу со стороны писателей.

Сократится спрос на литературу. Книжные магазины после катастрофы были закрыты долгое время. Сократится работа типографий, уменьшится число журналов.

Можно сказать: в количественном отношении — золотой век литературы кончился...

Прорицания Кикиути не оправдались. Яшма мэтров не потускнела, наоборот, вскоре приобрела золотой блеск. Но через несколько лет все вспомнят трагическое признание одного из заправил высокой литературы об утрате веры в свои писания.

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

Пирамиды из обуглившихся трупов были убраны, трамваи и бусы забегали по неузнаваемым улицам, зажглись фонари на деревянных бараках с надписью «Кафе». Сытые и успокоившиеся токийцы почувствовали острый голод. Великий пожар истребил центральную библиотеку императорского университета и квартал Канда — квартал книжных магазинов.

Токийцев охватила та же тоска, которую некогда испытывали александрийцы. Миллионы томов превратились в серую пыль, несколько десятков тысяч названий исчезло с лица земли, не осталось ни одного экземпляра. Все уцелевшие книги, начиная с творений мэтров и кончая руководствами по выделке вееров, превратились в уникамы. Вместо «эта книга разошлась» стали говорить «эта книга сгорела». Перед издателями лежала столица — восьмой город в мире — с пустыми книжными шкафами. Издатели начинают облаву на рукописи. Из окон уцелевших бильдингов на мэтров обрушивается ливень из энов. Открывается подлинный — не-метафорический — золотой век литературы.

Литературный мир достиг высшей точки расцвета... Те, кому повезло, изнемогают от богатства и славы, такие богатство и слава не снятся даже рядовым директорам торговопромышленных компаний. Банкиры, служащие фирм, чиновники, военные, все с широко раскрытыми глазами взирают на взлет литераторов (публицист-историк Сираянаги).

Социальное положение литераторов стремительно улучшилось. Они, которые, получая жалкие гонорары, голодали и ютились в захудалых кварталах, вдруг стали теми, кто на такси мчится в квартал гейш. Среди литераторов появились такие, которые по сумме месячного забора в рыбных лавках не уступают даже министрам (критик Оя).

Первое поколение мэтров высокой литературы до того момента, пока не определилась их аудитория и не утвердился тиражи ежемесячников, имело весьма скудную закуску к рису.

Мэтр 90-х годов Сайто Рьокуйю жаловался на отставание гонорара от прожиточного минимума: «Пишешь одной кисточкой, а ешь двумя палочками; борьба неравная!» Один из родоначальников новой литературы Одзаки, несмотря на всеяпонскую славу, всю жизнь ютился в наемных квартирках, до конца жизни мечтал о собственном домике под Токьо.

Благосостояние мэтров начинает расти со второго десятилетия XX века. Гонорар за десять лет возрастает, по свидетельству одного мэтра, в сорок раз; по подсчету журнала «Синтьо» после мировой войны двадцать три писателя стали владельцами домов и вилл.

Гонорар в Японии исчисляется по разграфленным страницам, имеющим четыреста клеточек для букв. Клетчатая бумага для рукописей продается в готовом виде. Ошибочно думать, что каждая клетка предназначена для иероглифа — японцы пишут иероглифами и силлабическими буквами, и поэтому, например, слово «съел» занимает целых девять клеток: Та-бэ-тэ-си-ма-и-ма-си-та или «наверное, пошел»: и-цу-тэ-си-ма-цу-та-но-ка-мо-си-рэ-на-и — четырнадцать клеток (см. стр. 56).

Эти примеры написаны с употреблением так называемых этикетных глагольных наращений, многоэтажновежливых оборотов, очень удобных в гонорарном смысле. Можно к каждому глаголу привинтить этикетный хвостик — масу или аримасу или годзаимасу, которые так же непереводимы, как твердый знак. Разница между дооктябрьским русским языком и этикетным японским в том, что японцы могут употреблять в конце глагола от двух до десяти твердых знаков, оплачиваемых кассирами.

После мировой войны, когда японский эн равнялся полноценному золотому рублю, средний журнальный гонорар мэтров установился в размере десяти эн за четыреста клеток. При сравнительном подсчете японского и русского текста выходило, что за сорок тысяч печатных знаков

1.
口
12口
二
篇

五
山
花
集

一		庭	9	花	9	い	ろ	い	ろ
---	--	---	---	---	---	---	---	---	---

今年に
見
る
隙
か
き
て
雪
か
し
て
降

り
ふ
い
私
の
庭
で
は
早
く
も
寛
が
い
ろ
り
と
し

て
ろ
ろ
。 梅
し
早
云
る
の
は
~~梅~~
華
人
で、
実
に
る

や
つ
か
い
き
し
の
を
に
る
。こ
ん
ふ
二
と
は
五
金
う
し

[illegible]

土	豆	の	々	々		日	あ	い	り	の	里	子		庭	の	南	の	門	の	い
---	---	---	---	---	--	---	---	---	---	---	---	---	--	---	---	---	---	---	---	---

しは、
~~舞~~亭が
~~絵~~具で
 一
 一
 した
 たり
 に
 書く
 二

японский мэтр получал шестьсот шестьдесят золотых рублей.

Одзакі Койо в конце XIX века писал со скоростью улитки: заполнял 200 клеток в течение пяти суток. В 20-х годах XX века мэтры стали ухитряться писать по двадцать-тридцать страниц в день, т. е. от 8 000 до 12 000 клеток. В двести раз быстрее Одзакі. По показаниям газетных ежегодников, мэтры в среднем публикуют по два рассказа (каждый рассказ в среднем—20 000 клеток), не считая эссе, критических статей, козери и длинных романов, идущих в газетах.

На десяти энах за четыреста клеток, т. е. на трех стах тридцати долларах за печатный лист, дело не остановилось.

После землетрясения, стершего с лица земли массу мелких книжных предприятий, начинается концентрация издательской промышленности. Несколько послекатастрофных лет вошли в экономическую историю страны под заголовком «эпоха промышленного переворота в издательском деле Японии», а в историю литературы под названием: «эпоха литературного процветания» (бунун-рюсэй).

На смену книжным мануфактурам выступают издательские гиганты типа американского Куртиса, Мак-Миллена, Мак Гроу Хилла.

Американизуется не только масштаб издательских предприятий, но и продукция. Американизированные издательства приступают к выпуску четверть-и полумиллионотиражных толстых ежемесячников «magasine'ов», вернее, универмагов читая, братьев и сестер заокеанских «The Saturday Evening Post» и «The Ladies Home Journal». В мужском ежемесячнике за полтинник каждый может обойти все отделы: политические фельетоны, беседы с министрами, научные статьи, анекдоты, госсип о политиках, промышленниках, актерах и профессорах, детективные рассказы, «коданы» — стенографированные сочинения профессиональных рассказчиков самурайских авантюр, произведения представителей «вульгарной литературы» и наконец маленькая зала

в углу номера — сосаку высоких мэтров. В женских «магазинах» — статьи о моде, медицинские замечания, консультация по гастрономии, исповеди актрис и великосветских дам, анкеты на сексуальные и семейно-бытовые темы и для литературных отдела: высокой и «литературы плебса».

Один из крупнейших ежемесячников называется «Кинг» (по-английски — король), другой очень откровенно назван в честь своих читателей: «Хэйбон» — «Посредственность».

Журналы-универмаги с американской быстротой и бесцеремонностью разрешают проблему: заставить гордых мэтров «высокой» аккуратно поставлять не только сосаку, но и «вульгарные» произведения. Заставить важных павлинов нести куриные яйца для омлетов.

Универмаги начинают быстро гнать вверх гонорарный тариф. Доходит наконец до тридцати энгов за четыреста клеточек, т. е. до двух тысяч золотых энгов за сорок тысяч печатных знаков — пять золотых копеек за букву, включая твердые знаки!

Среди мэтров возникает паника. Блюститель традиций касты мэтров — Сато — публикует статью «Обсуждая жизнь писателей», где заявляет: «Я не требую бедности от мэтров, я только хочу обратить внимание литераторов на то, что они превращаются в псов коммерциализма, проникаются психологией азартников...»

Неподкупный мэтр во имя кастового престижа прежде родившихся предлагает своим коллегам не писать больше тридцати страниц в месяц, т. е. полутора печатных листов в месяц, не зарабатывать больше тысячи энгов в месяц.

Поздно! Тридцатизеновая приманка уже действовала, у дверей редакций универмагов происходила свалка. Еще вчера медлительные и чинные мэтры, пихая друг друга, совали редакционным секретарям свои рукописи.

Уже король чтивной промышленности Японии, издатель трех многотиражных ежемесячников, книжный Форд—Нома — откровенно третировал мэтров и говорит с ними как с поставщиками рыбы и зелени. Нома дает мэтрам заказы

на чтивные вещи, предназначенные для купцов, едущих в экспрессах Токио — Осака, провинциальных полицейских, парикмахеров, гейш, домохозяек из мещанских кварталов и кельнерш. Нома идет дальше — предлагает мэтрам переставлять ценовую цензуру над продукцией представителей высокой литературы.

В январе 1928 г. мэтр Хироцу выступает с протестом:

И вот эти журналы, проникшись духом предпринимательского журнализма, стали уже посягать на свободу выбора писателями литературного материала. Дело дошло уже до этого. «Вот этот материал оформите таким образом. На столько-то страниц» — вот формула заказа, которая начинает устанавливаться. Недалек момент, когда начнут заказывать так: «Материал дадим мы, напишите вот так». С точки зрения писателей, вышедших в литературу десять или двадцать лет назад, такая постановка вопроса кажется беззаконием со стороны журналов. Когда мы начали писательскую карьеру, заказы от журналов получались в такой форме: «Любой материал, любым способом, как хотите, по вашему усмотрению. Пишите, как хотите. Число страниц такое-то, но это только наше пожелание, а вы можете написать длиннее или короче».

Хироцу констатирует:

Жизнь литераторов, считавшихся каким-то привилегированным сословием, теперь закачалась на волнах жизни. Профессия писателя стала такой же страдной, как и все другие!

Нома и его три конкурента — их вместе журнальные репортеры называют «Четырьмя королями неба издательского мира» — прибирают мэтров к своим рукам в стремительном темпе.

Флаг «свободного искусства», воспринятый японскими мэтрами от китайских отшельников эпохи шести династий поэтов, которые, построив кельи в горах, торжественно нищенствовали, писали стихи друг другу и плевали на посланцев от двора, флаг, несколько десятиков лет колыхавшийся над высокой литературой, под всхлипывания Сато и Хироцу начинает медленно опускаться.

ПИСАТЕЛЬСКИЙ КОММЕРСИАЛИЗМ

Коммерсиализм оказался инфекцией, распространяющейся с быстротой «испанки». От последней японцы спасаются при помощи маленьких масок, закрывающих нос и рот. Но у мэтров против коммерсиализма не нашлось ничего, кроме явно-негодных рецептов Сато.

Журнал «Литературная летопись», издаваемый группой мэтров во главе с Кикүти, вдруг загорелся желанием взять рекорд по тиражу. И вот в каждом номере редакция начинает печатать сводки о росте тиража, похожие на отчеты об олимпиаде и на бюллетени рисовой биржи в Кабутомати. В конце-концов удалось добиться рекордной для чисто-литературного ежемесячника цифры — 150 000 номеров. К рекордному финишу журнал пришел непохожим на того, кто стартовал. В отделе статей, вместо рассуждений на литературные темы, стали фигурировать статьи: «Секрет достижения успеха в деле издания журналов», вместо виньеток в начале и конце статей — стали печататься советы читателям от имени мэтров покупать препарат от перхоти «Сумадорэ», жидкую помаду «Битаору», сакэ марки «Хризантема», возбуждающее средство «Урос» и превентивные изделия из рыбьего желчного пузыря. При редакции создается специально рекламно-комиссионерское бюро для популяризации интимных достижений цивилизации.

Строгий официоз высокой литературы «Синтьо» начинает анонсировать сборник фельетонов своего редактора в стиле чикагская реклама плюс средневековая самурайская риторика:

Выходит в свет необычайная в литературном мире, радующая дух книга!

Поистине личность и писания Накамура можно уподобить стремительному потоку, изо всей силы ударяющемуся об испещренные скалы в разгар осени, в пору могучих ветров!

Когда г. Накамура, восстав, гневно вещает, толпы пигмеев, полбеднев, ежатся от ужаса! Это — зрелище, одно из приятнейших за последнее время в литературе! Не было книги,

которая так за последнее время захватывала бы дух! Эта книга — «Литературное эссе»! Мы предлагаем всем эту книгу! Цена одна иена двадцать сэн. За пересылку восемь сэн.

И кто-то уже заговорил на подмостках прессы о том, что писательство является одной из отраслей коммерции, и мэтры промолчали в знак согласия. На вопрос репортера журнала: «Почему вы стали литератором?» — один из старших мэтров, Масамунэ, прямо глядя в глаза, ответил: «У меня было слабое здоровье. Мне было не под силу таскать за собой повозку. Поэтому я и решил избрать профессию изготовителя рукописей. Только поэтому».

Следуя старой традиции китайских литераторов, японские писатели любили называть свои дома, вернее, кабинеты — «хижинами» (кэн), «кельями» (ан), «вышками» (ро), «часовнями» (до) и «павильонами» (тэй), прикрепляя к ним выпренные эпитеты. Название кабинета служило прозвищем писателя. Например, критик начальной поры мэйдзэйской литературы Миядзаки именовал себя Хозяином Вышки Восьми Сторон, критик и переводчик Утида — Хозяином Кельи Глупости, мэтр Акутава — Хозяином Часовни Чистой Реки, мэтр Сатоми — Хозяином Павильона Ясного Опынения и т. д.

Как-то раз вечером критики и мэтры, собравшись на очередной гаппокай журнала «Синтьо», стали говорить на самую актуальную тему — о том, что писание литературных произведений, бывшее до сих пор домашним, кабинетным кустарничеством, на глазах у всех приобретает формы мануфактурного производства. Критик из левого лагеря Кацумото констатировал, что ряд крупных мэтров превратил свои кабинеты в офисы мануфактур. Кацумото имел в виду мэтров Кикүти, Кумэ и других, которые завели большой штат литературных рабочих из голодающих студентов-филологов. Эти рабочие литературных мануфактур, созданных на месте бывших часовен, келий и павильонов, за грошовую зарплату (иена за двести клеток) составляют конспекты прочитанных европейских романов, главным обра-

зом бульварных авторов, и пишут сводки сюжетов. Глава офиса либо сам обрабатывает сырье, либо поручает старшим рабочим писать черновики чтивных романов и рассказов. Вся продукция офиса идет под именем хозяина предприятия. Вскоре организация труда усложняется: одни рабочие специализируются на чтении и конспектировании иностранных авторов, другие репортерским путем собирают различные факты, которые могут быть использованы, третьи сидят на выдумывании тем и сюжетов, четвертые пишут черновики для мэтра.

Из статьи критика Оя «Спекулятивный характер литературы»¹:

Для того чтобы стать писателем, не надо никакого капитала. Для того чтобы стать художником, нужно сделать порядочные расходы — купить краски и пр. Для написания романа требуется перо, чернила и бумага в клетку. Для того чтобы перелететь через Тихий океан, нужно иметь не менее 30 000 или 50 000 энов. Неудача в литературе не угрожает жизни. А если будет успех? Некий автор купил коттедж в Камакуре, принадлежавший бывшему премьер-министру Хамагути, другой приобрел за 10 000 энов авто, третий разгуливает по морю на купленной яхте, четвертый тратит ежемесячно тысячи энов в кафе...

НАЧАЛО РАСПАДА

Литературным событием этого года в Майане является исповедь в шестнадцать тысяч девятьсот страниц, написанная Ручко, под заглавием «Почему я не могу писать».

Maurois, „Voyage au pays des articles“.

В то время как стенографировали разговоры о коммерциализме в литературе, а Кижкути и его друзья, осыпаемые конфетти из энов, играли в маджан, соблазняли кельнерши в кафе на Гиндзе, курсировали в Одаварау, приценивались

¹ «Литературная эпоха».

к виллам и новым маркам «шевроле» — в это время мэтр Кассаи, тот, кого называли японским Бальзаком, начинал задыхаться. Через несколько лет он умер от чрезмерного употребления рисовой водки. На камне, под которым зарыли урну с пеплом, написали посмертное имя, которое наспех придумали буддийские монахи. Но в историю литературы этот могильный камень войдет в качестве заставки, открывающей собой главу о начале распада высокой, чистой литературы.

Кассаи быдохся первым из всех мэтров эгобеллетристики и комнатной психологии, он был олицетворением высокой литературы.

Выпустив несколько сборников новелл, Кассаи заметил, что больше писать не о чем. О том, как он пьет сакэ — уже написал; о ссорах с женой и ее родителями — тоже, о писателях, живущих в трех домах напротив через улицу и по обеим сторонам — тоже. Больше не о чем. Но затем Кассаи нашел выход. Он стал писать о том, как он не может писать. Он становится специалистом по описанию писательской импотенции.

Сборники его рассказов: «С ребенком», «Молодые побег», состоят из похожих друг на друга новелл на одну тему: автор сидит у стола или гуляет и не может ничего написать, несмотря на строгие напоминания из издательства. Варьируются только описания погоды и детали мучений — тема остается неизменной. Вот типичные фразы из его рассказов:

Прошла осень, пришел новый год, но все равно не было энергии, чтобы предпринять что-либо. Не появлялось никакого настроения выдумывать или писать что-либо, похожее на беллетристику.

(Рассказ «Суеверие»).

У меня голова совсем пустая. Из-за неприятностей, болезней, из-за кризиса в творчестве в течение двух-трех последних лет — у меня голова стала совсем пустой.

(Рассказ «Разговор с М.»).

Я гулял по каменным плитам около храма, я ездил в город, чтобы поправить свое расшатанное здоровье. Но попрежнему у меня не было настроения братья за кисть. С лета я не написал ни одной страницы.

(Рассказ «Конец года»).

Срок представления рукописи для новогоднего номера журнала уже надвигался, а у меня не было ни малейшего настроения писать что-либо.

(Оттуда же).

11 декабря пополудни я получил заказное письмо с категорическим требованием прислать рукопись. Хотя я ожидал этого напоминания, но у меня закружилась голова как будто перед припадком удушья.

(Оттуда же).

А на гаппюкаях стали понемногу возникать странные споры. Когда тамада гаппюкая мэтр Накамура объявляет название очередного произведения, подлежащего обсуждению, часть присутствующих выступает с заявлением, что данная вещь не является рассказом, не относится к беллетристике.

Ряд мэтров, во главе с Кикутти, стали отрицать за исповедаями Кассаи на тему «почему я не могу писать» право называться рассказами. Кассаи, протосковав несколько недель за письменным столом, вымучил наконец статью, в которой настаивает на том, что его рассказы являются рассказами.

Начались долгие ночные дискуссии: какие вещи могут называться романом или рассказом. Оказалось, что мэтры гораздо увереннее разбираются в правилах бэби-гольфа и в теории маджана, чем в жанрах «высокой литературы».

Было очень трудно спорить, ибо только в Японии, где столкнулись и смешались в кучу три поэтики — традиционная японская, классическая китайская и западно-европейская — существует такая пестрая номенклатура жанров.

В оглавлениях сегодняшних японских журналов фигурируют следующие термины (как правило, заглавие каждого литературного произведения снабжается точным указанием, к какому жанру относится вещь):

Тьохэн-сьосэцу — роман.

Тюхэн-сьосэцу — повесть.

Тампэн-сьосэцу — рассказ, новелла.

Эти три категории сьосэцу (чистая беллетристика) идут в отделах «сосаку» — произведений чистой литературы.

Сьохэн (дословный перевод: вещь в ладонь величиной) — маленькая новелла.

Тюканмоно (дословный перевод: промежуточная вещь) — помесь беллетристики с эссе.

Иомимоно (дословно: вещь для чтения, т. е. читиво) — развлекательное чтение.

Затем идет группа терминов из семьи эссе:

Дзацубун (смешанное писание).

Дзуйхицу (вслед за кистью).

Кансо (изложение, впечатления и размышления).

Косьо (исследовательское эссе).

Бесплодные поиски затерявшейся где-то пограничной линии чистой беллетристики продолжались недолго. Эту линию постановили считать утратившей свою силу. Один из первостатейных критиков-мэтров, Кавадзи, провозглашает: — надо освободить эгобеллестристику от рамок романа — повести — рассказа, надо провести «эссэизацию беллетристики»; а мэтр Муро аргументирует необходимость создания «беллетристики, которая не похожа на беллестристику».

И пошли дальше.

Журнал мэтра Кикиути, стотысячнотиражная «Литературная летопись», берет на себя миссию «эссэизации беллетристики» — ввода в обиход высокой литературы материала, до сих пор обитавшего в газетных хрониках, журнальных отделах смеси, в записных книжках литераторов и просто в ящиках их письменных столов. 80% «Летописи» отводится:

1) литературному сырью — дневники, анекдоты, курьезные факты, рудименты новелл, сюжеты, сплетни, письма, наброски тем, шутки, и

2) эссе — воспоминания, фельетоны, черновые записи, рассуждения на любые темы: о кушаньях из бобов, половых извращениях, теории игры в теннис, психологии рыболовов, этикете на банкетах, каллиграфическом ремесле, привычках

породистых псов, китайском фарфоре, случаях из жизни литераторов и т. д.

Та часть мэтров, которая обзавелась мануфактурными предприятиями, стала продуцировать бульварные романы и детективные повести для чтивных журналов.

Произведения чистой литературы пишутся только для гамбургского счета, только для того, чтобы поддерживать квалификацию члена касты мэтров.

Внутри касты уже начинался разброд, Бунсидо распозалось по швам. 1930 год был годом происшествий на улице литераторов. Три мэтра убежали из Токио в горы и постриглись в монахи. В годовых обзорах литературы была зафиксирована драка двух мэтров: Кикиути, обидевшись на Хироцу за то, что тот изобразил его в неприглядной позе в одном рассказе, вцепился в разоблачителя в присутствии публики. Начались скандальные истории с присвоением чужих рукописей. Репортеры по госсипу ночуют у телефонов. «Литературная летопись» объявляет гаппьокай журнала «Синтьо» узурпаторским учреждением. Литературные юноши, вместо того, чтобы итти в передние к мэтрам, собираются в маленькие труппки, издают в складчину тоненькие журналы с пасквилями на преждеродившихся.

КОНКУРЕНТЫ

Именитый клан распадался, жанры высокой литературы теряли свои контуры, но еще упорно сохранялся демаркационный забор между высокой и низкой литературами. Мэтры хотят удержать за собой право представлять ведущую литературу и одновременно утвердиться на рынке развлекательного чтива.

Но здесь и там — опасные конкуренты.

Право представлять ведущую литературу у мэтров начи-

нают оспаривать так называемые «пуро». Конкуренты по метрополии.

А на колониальном рынке чтения крепким фронтом выступила «низкая литература», которая, выдвинув на места лидеров десяток квалифицированных беллетристов, официально назвала себя «массовой». В названии заключался лозунг миллионнотиражных чтивных ежемесячников, в которых обосновалась «низкая литература» со своими самураями и героическими патриотами: не для отборного круга читателей с интеллигентским цензом, а для всех без разбора, кто проходит мимо книжных лавок, набивает трамы в часы пик, квартал кинотеатров в парке Асакуса, партеры и галерки театров кабуки, кто имеет в карманах брюк или в рукавах кимоно двадцать копеек за номер журнала.

«ПУРО»

В пять часов утра 15 марта 1928 года в Токио, Осака, Кьоото, Кобэ, на всем протяжении архипелага, в тридцати четырех провинциях империи, с первым фабричным гудком начальник департамента полицейской охраны министерства внутренних дел Ямаока, став в позу Карла IX — истребителя гугенотов — подал знак рукой. Батальоны полицейских начали стучаться в ставни отмеченных домов с криками «телеграмма, телеграмма», «добрый день, откройте»¹. Через несколько часов начальник японской охраны «особого высшего сектора» Кокицу, один из главных режиссеров облавы, рапортовал министру внутренних дел о взятии в плен тысячи трехсот коммунистов и об истреблении красной крамолы одним ударом по всей стране. В течение двадцати трех лет после адмирала Того, прибывшего для до-

¹ См. «История массового ареста японской компартии». Изд-во «Букьося» Токио, 1928 г.

клада о Цусиме, в Японии не было такой торжественной мины, как у Кокицу в это утро.

Полицейский триумф длился девять дней.

Десятый день вдруг испортил все впечатление.

Ровно на десятый день, 25 марта, было объявлено о возникновении Ниппонской федерации пролетарских художников¹, в составе союза «пуро»-литераторов, союза «пуро»-театра, союза «пуро»-художников, союза «пуро»-кино и союза «пуро»-музыкантов. Через несколько дней вышел первый номер журнала «Сэнки» (Боевое знамя) — официоз революционной пролетарской литературы Японии. Полицейские начали хватать около своих будок юношей, которые, проходя мимо, кричали: «Компартия арестована, да здравствует пролетарская литература!» Чиновники Особого высшего сектора получили приказ превратиться в аккуратных читателей «Сэнки». Придаться было не к чему. Журнал выходил наполовину на японском, наполовину на ребусно-шарадном языке. Все статьи, рассказы, стихи, воззвания

¹ Возникновением НАПФ'а была закончена пред-история революционной пуро-литературы Японии.

80 гг. XIX ст. — 1910 г.: несколько романов на утопические и социальные темы, написанных пионерами японского социализма и анархистами-одиночками.

1919 — 1923: группка левых интеллигентов и анархистов начинает агитацию за создание литературы для японского пролетариата; несколько статей, навеянных переводными заметками о Пролеткульте в советской России, и рассказов о страдающих стачечниках и мелких землеарендаторах.

В 1924 г. образуется коалиция левого фланга: «Литературный фронт» — анархисты, марксисты.

1925 — 1928: оформление инициативной группы пуро-литературы, параллельно с ростом подпольной компартии; разрыв коалиции с анархистами-одиночками и социал-демократами, т. е. с попутчиками, у которых литер кончился; сколачивается небольшая группа усвоивших революционное марксистское мировоззрение, взявших курс на объективный реализм, изучивших опыт советской пролетарской литературы. 25 марта группа объявила о возникновении союза пуро-литераторов Японии в составе НАПФ'а.

были испещрены таинственным знаком «х», который не фигурировал ни в одном иероглифическом словаре, даже в китайском «Гайбин-уйнь-дзион'е», напечатанном в начале XIII века и содержащем 53 525 иероглифов. Этим знаком редакция пользовалась как талисманом от злых духов полицейской цензуры. Вместо опасных слов: «революция», «коммунизм», «диктатура пролетарита», «империализм», «белый террор», «милитаризм», «монархический режим» всюду дефилировали фразы: «Да здравствует хх!» «Долой хх!», «Рабочим и крестьянам нужна хх-стическая литература!», «Нужно бороться с хх со стороны хх и с хх рабочего класса, которые являются псами хх», «хх всех стран ххх!» Рассказы написаны в таком же стиле: «Рабочие ххх оратора из ххх, крикнув ему: «Убирайся к своим ххх!» Затем все, запев «ххх», начали ххх. В воротах фабрики показались ххх с ххх...»

Талисманы, вскоре выяснилось, оказались непрочными, журнал стал конфисковаться через номер на второй или третий день после выхода, сразу же после того, как подчиненные Кокицу разгадывали ухищрения пуро. Здесь нужно отметить, что полицейским чиновникам везет только на головоломках пуро-журнала. В других журналах встречаются часто такие фразы, как:

«Ложась вместе, молодой человек хх только хххх в хх женщины»¹.

«Бог Омононуси, влюбившись в нее и превратившись в красную стрелу, кольнул снизу хх красавицы»².

Или:

«Распахнув ее кимоно, он хх и хххх на цыновке».

Эти головоломки остаются неразгаданными, ибо даже самый проникательный цензор Японии не может разгадать больше того, что он может. Эти журналы напарываются на конфискацию немного чаще учебников по акушерству.

¹ «Тюо-корон» — кн. 1931 г.

² «Кайдзо», № 1, 1933 г.

Несмотря на повышенное внимание со стороны казенных читателей, пуру-литераторы всякими правдами и неправдами закрепились в маленьком домике — помещении редакции на окраине Токьо, в поселке Отиаи. Одним из вождей пуру был провозглашен Курахара Корэхито. Он незадолго до этого вернулся из Москвы, где находился в качестве корреспондента одной буржуазной газеты, но вместо писания корреспонденций изучал марксизм и практику советского пролет-литературного движения.

После «15 марта» японскому революционному движению пришлось прикрыться знаками ххх. Актив целиком ушел в тюрьмы и в подполье.

Муза японской пуру-литературы оказалась в положении жены скрывшегося революционера. Укрепив над домиком, окруженным тройным кордоном глаз и ушей, большую вывеску: «Литература» и получив официальный патент от министерства внутренних дел на издание литературно-критического ежемесячника, она устроила в помещении редакции клуб плюс бюро для справок плюс политический Красный крест.

Пурулитературный официоз «Сэнки» был меньше всего похож на литературный журнал.

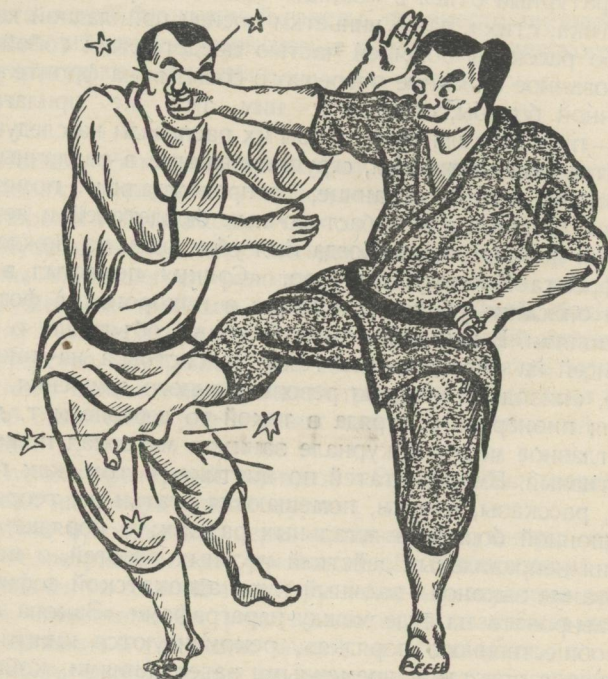
Музе приходилось через каждые пять минут отрываться от беллетристических рукописей. Ее хлопотливый день состоялся из хлопот по сбору денег для передачи арестованным, визитов к их родственникам, составления воззваний, приношения в редакцию вещей и конвертов с деньгами в пользу пострадавших от наводнения и ххх корейцев, телефонных разговоров с департаментом полиции, после которых приходилось мыть руки чистотелом, срочных командировок дежурных беллетристов для репортажа на места стачек, аграрных конфликтов и полицейских подвигов, устройства концертов-митингов для читателей, формирования летучих лекторских групп из пуру-писателей, которым поручалось

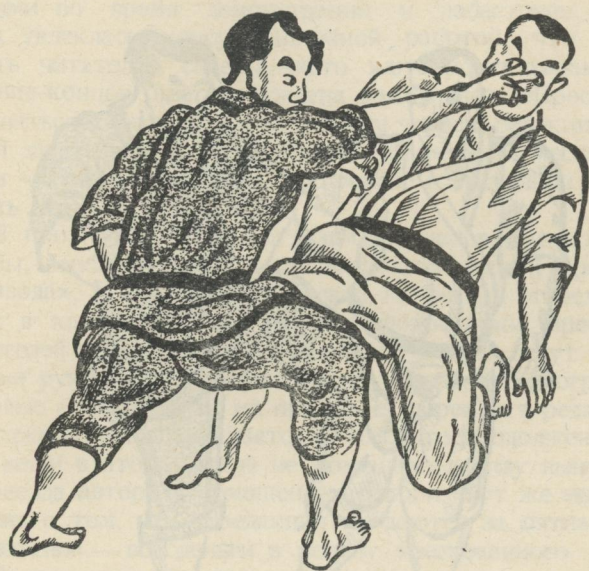
на сходках в заводских предместьях или около ограды помещичьей виллы, между двумя-тремя лекциями о литературе и о пролетарской культуре, скороговоркой, пока присутствующий тут полицейский не крикнет «Тюси!»—«Стой!»—бросить несколько фраз относительно «хэгэмо», «дзэнэсто» и «дэмо»¹.

Литературный отдел в «Сэнки» был на втором плане. Беллетристика, стихи, даже виньетки носили прикладной характер, ибо рассказы большей частью представляли собой беллетризованное описание очередного события на фронте революционной борьбы, стихи — к ним тут же прилагались ноты — писались для того, чтобы их распевали на следующей демонстрации, а виньетки, сгруппированные в различных вариантах на одной странице, сопровождались пометкой: образцы заставок для забастовочных бюллетеней и летучек во время демонстрации. Когда был убит один из вождей левых фронтов Ямамото Сэнтаро, «Сэнки» поместил в виде новелл описание убийства и отчет о похоронах с фото-иллюстрациями. В каждом номере редакция объявляла о сборе рукописей на определенные темы: забастовка на таком-то заводе, эпизод из истории революционного движения, организация пионерского отряда в такой-то деревне и т. д.

Но главное место в журнале занимал материал политико-оперативный. Вместо статей по поэтике, о том, как писать стихи, рассказы, очерки, помещаются статьи по теории революционной борьбы в легальных рамках: о порядке обжалования неправильных действий местных властей, о методах толкования законов—заочный курс адвокатской софистики, как лавировать на суде между параграфами «Закона об охране общественного порядка», рекомендуются книги: «Как бороться с арестами, временными задержаниями, конфиска-

¹ Японское революционное движение имеет свой жаргон, свое аргю, на котором «хэгэмо» означает «гегемонию», «дзэнэсто» от «дженерал страйк» — генеральную забастовку, «дэмо» — «демонстрацию», «буру» — «буржуазию», «пуро» — «пролетарий, пролетариат».

циями, обысками», «Тактика аграрных конфликтов», описываются методы полицейской слежки и т. д. А в одном номере было помещено обстоятельное исследование с иллюстрациями о технике дзюдзюцу—теории рукопашной схватки, т. е. самой употребительной формы общения с полицией во время демонстраций и забастовок. Редакция так увлеклась консультационной работой, что стала давать читателям советы чисто житейского характера и в конце-концов была вынуждена взмолиться: «Просим не обращаться к редакции и отдельным членам редакции с просьбой давать советы относительно приискания места и по делам частного характера, ибо мы не в состоянии удовлетворить всех».

В противовес gossip-отделам журналов высокой литературы, сообщающих о последних пощечинах и предстоящих разводах, «Сэнки» создает свой gossip и эгобеллетристику: в каждом номере даются фотоснимки арестованных деятелей революционного движения, как их ведут со связанными руками и с корзинами на голове, их биографии, интервью с их родными, их письма из тюрем, а в редакционных постскриптумах сообщается о том, что продолжение такой-то вещи в этом номере не помещено в виду вынужденного переезда автора в помещение полиции. Тут же идут объявления о том, что в редакции продаются за пятнадцать сэн полотенца — все деньги в пользу арестованного.

Постоянные отделы журнала:

«Живая газета» — корреспонденции читателей: описания заводских и аграрных конфликтов, прохватывания директоров и помещиков;

«Из боевых рядов» — замечания и критические высказывания читателей по поводу прочитанного в журнале; авторов рассказов и статей очень часто кроют без всяких японских церемоний за «интеллигентский язык» и «дряблость выведенных героев»;

— научно-популярный отдел: объяснения новых политических терминов, переводы из «Политической экономии»

Михалевского, биографии классиков революции, лекции по международному положению.

Каждый номер «Сэнки» представлял собой карманную энциклопедию, справочник для агитаторов, вестник объявлений всеяпонского пролетарского движения с приложением литературной продукции еще не арестованных или только что выпущенных на поруки членов Ниппонской федерации пуро.

Натренированные репортажем, объездившие самолично бастующие заводы и деревни, которые требуют отмены земельных декретов, изданных еще при сьогуне Горохе, своими боками и глоткой участвовавших в этих передерягах, — в свободные часы, в антрактах между двумя срочными заданиями редакции или во время сидения в бесте пуро-литераторы сочиняли повести и, рассказы, писали наспех, испещряя фразы крестиками, впопыхах из-за недостатка времени, механически перенимая технику письма мэтров буржуазной высокой литературы, потому что некогда было думать о создании собственной поэтики, новой манеры изложения. Но эти писания сразу же очутились в плане ведущей литературы.

Крупнейшие буржуазные ежемесячники «Кайдзо», «Тюокореин» и др. начинают отводить им места в отделах «сосаку», которые до этого времени были монополизированы психографическими и эгобеллетристическими комбинациями высоких мэтров. Это приглашение пуро на страницы буржуазных журналов, меценатство в отношении поднадзорной литературы было продиктовано законами коммерсиализма, издательской стратегией. Надо было закрепить за журналами читательские массы левого фланга и платонически сочувствующие левым контингенты квалифицированной интеллигенции.

Один из главных мэтров, Масамунэ, вернувшись в 1930 г. из Европы, публично констатировал, что за время его отсутствия «новая литература, именуемая пуро-литературой, как передают, захватила поднебесную, а литература, быв-

шая до сих пор, загнана в угол и еле дышит». С перепугу он немного преувеличил, но действительно пу́ро заняли почти половину мест в промпланах буржуазных книгоиздательств и в литературных отделах толстых ежемесячников. В стране, где прошел закон о смертной казни за исповедание «опасных идей», где за объективный реферат о Марксе студента исключают из университета, а за воротами его быют коллеги из патриотического «Общества семи жизней», где рабочие демонстрации разрешаются только при условии соблюдения нормы: один демонстрант—три полицейских, не считая пожарной команды в соседнем переулке,—в этой стране пу́ро стали претендовать на «хэ-гэмо» в литературе.

Чиновники министерства внутренних дел стали все чаще и чаще во время бессонницы думать о законопроекте, который бы начинался с параграфа: Запрещается писание и печатание художественной литературы вообще, за исключением только тех сочинений, где описываются подвиги самураев, преданность государю и утехы любви.

Утром эти мысли приходилось засовывать под подушку, потому что закон был сопряжен с кучей хлопот: перемена названия эры, восстановление токутавского декрета о закрытии страны, снос всех университетских зданий, сожжение книжных магазинов, закрытие парикмахерских и т. д.

Пу́ро вводят пуританскую дисциплину в своих рядах. На съезде союза пу́ро-литераторов была принята торжественная резолюция: «Повседневная жизнь членов союза должна протекать в чисто пролетарском окружении». Подальше от безалаберного, праздного, прокуренного быта литературных профессионалов, подальше от бульона, в котором копошится, пропитывая друг друга своим наваром, сотня авторов с лаврами, полученными по блату!

В среде пу́ро царят обычаи военного времени, друг с другом не миндальничают. За один миллиметр в сторону от основной политической линии—дисциплинарная головомойка. Токунага, получивший за роман «Улица без солнца» евро-

пейскую известность, трижды приговаривался к прекращению писания повестей, уже начавших печататься (повести: «Фашизм», «Фабрика, на которой нет рабочей организации» и «Гора Асо»).

Как всякое живое и трудное дело, не имеющее прецедентов, пуро-литература, отряд, пробивающий себе дорогу в будущее через страну, оккупированную сильным врагом, расставившим всюду волчьи ямы, пулеметы на крышах, по ночам руками полицейских снайперов снимающим лучших командиров,—испытала ряд внутренних кризисов, неоднократно меняла тактику, мучительно изворачиваясь от ударов, все более повышая свою мобильность, боеспособность и уверенность в конечной победе.

В своих рядах приходилось бороться с чересчур осторожными, которые, чтобы закрепить легальность пуро-литературы, проповедывали тактику аполитичного культуртрегерства, приходилось одновременно одергивать чересчур пылких, которые стремились превратить пуро-литературу в открытый агитпроп революционного подполья, рискуя поставить удачно начатое и развиваемое наступление под фронтальный удар департамента полиции.

В «Сэнки» чисто-литературный материал был на вторых ролях, литературная практика была откровенно подчинена организационным, агитационным, политико-просветительным задачам. Но движение развивалось, потребовалась дифференциация, и в 1930 г. рядом с «Сэнки» возникает журнал «НАПФ». «Сэнки» становится официозом верховного штаба пуро-культурного фронта, «НАПФ» — журналом, посвященным с первой до последней страницы только литературе. «НАПФ» окончательно оформил физиономию пуро-литературы, заставив включить во все многотомные «Библиотеки японской литературы эпохи Мэйдзи, Тайсьо и Сьова»¹, выпускаемые буру-издательствами, все лучшие вещи пуро-писателей, заставив все крупнейшие буру-ежемесячники си-

¹ Т. е. с 1868 г. по настоящее время.

стематически помещать, ради поддержания тиража, статьи пуро-критиков, начинавшиеся и кончавшиеся цитатами из опасных мыслителей с берегов Москва-реки. В журнале «НАПФ» учреждается специальный отдел под названием «Гэ-Пэ-У» — отдел беспощадных разоблачений быта мэтров и критиков высокой литературы и качества их продукции.

Одна из важнейших дат истории пуро — съезд членов союза пуро-литераторов в июле 1931 г. В воздухе уже пахло экстренными выпусками газет и гарью войны. Капитан генерального штаба Накамура уже сыграл свою сараевскую роль в лесу около Таонаня; рельсы около Мукдена по ночам гудели от предчувствий, которые оправдаются через шестьдесят дней, внутри страны шел сплошной бенефис особого высшего сектора, на воротах тюрем в Итигая, Сугамо, Камэидо — всех тюрем — всюду висели аншлаги.

На этом съезде пуро подвели итог своих удач, аккуратно подсчитали промахи, срывы, разобрали друг друга по косточкам и торжественно постановили взять новый курс:

Не концентрировать отныне пуро-литературу в одном Токио под носом главного штаба полиции. Распространить ее по всей Японии, покрыть карту страны красными флагами пуро-литературных баз.

До сих пор пуро-литература носила характер движения боевиков-одиночек, полиция могла в любое утро устроить облаву и разместить все движение в двух просторных тюремных камерах, потратив не более получаса на разгром редакций «Сэнки» и «НАПФ»а. Но попробуй полиция Империи, попробуй устроить «15 марта 1928 г.», когда Союз пуро-писателей будет состоять из нескольких полков не только профессионалов писателей, но всех рабочих и мелко-арендаторских корреспондентов, а пуро-литературные кружки, сплошная красная сыпь по всему длинному телу империи, будут иметь в своих рядах несколько десятков тысяч боевых членов и будут выпускать несколько сотен гектографированных, стеклографированных, шапирографированных, литогра-

фированных, наконец, написанных просто от руки литературных журнальчиков!

Короче говоря, пуро, утверждая новый курс, решили, что стратегия Чингисхана лучше теорий «малой армии» Фуллера и Зольдана.

Наступление пуро было начато по всему культурфронту почти одновременно с началом операций на материке генерал-лейтенанта Хондзё.

В октябре 1931 г. была сформирована армия под именем «Федерации японской пролетарской культуры» (КОПФ) в составе следующих дивизий—союзов пуро: писателей, театральных работников, художников, фотографов, кинорботников, музыкантов, врачей, эсперантистов, сторонников ограничения деторождения, научных работников, педагогов. Каждый из этих союзов обзавелся журналами-официозами.

Проведение курса «массовизации пуро-литературы» было поручено журналу «Пролетарская литература» и «Литературной газете», явившимся на смену «НАПФ'у».

В провинциях возникают свыше десяти филиалов—опорных баз, около 250 (!!!) кружков; почти каждый кружок торопится выпустить рукописный журнальчик для фиксирования литературных упражнений своих участников. Филиалы организуют литературные рабфаки—курсы, где активисты из кружков слушают лекции пуро-литераторов по диамату, драматургии и стихописанию.

Пора всерьез призадуматься над вопросами пуро-литературной техники. Правда, приходится начинать с чисто-японских вопросов: как сократить потребление иероглифов, как реформировать знаки препинания. Пуро-писатель Хаяси выдумывает новые знаки препинания: белые и черные кружки.

В вопросах литературной техники японские пуро, которым решительно нечего брать у мэтров буржуазной литературы, целиком воспринимают опыт своих старших товарищей—советских пуро, книги последних служат ориентировочными пособиями. (Большинство лидеров Федерации

пуро знает русский язык, это считается так же необходимым, как знание латыни для врача.) Московские и ленинградские гапьякаи о последних произведениях, о пролетарском реализме, о борьбе с формалистскими манипуляциями и т. д. с опозданием на тридцать дней повторяются на страницах «Пуро-литературы» и «Литературной газеты». Когда на страницах этих органов пуро-литературы речь идет о вещах советских писателей, то в большинстве случаев приводятся только заглавия, имя автора опускается, ибо оно всем известно. Выражение: «бунгакуно (литературный) магуниттосуторои» употребляется без всяких примечаний, так же как китайские идиомы, пройденные в начальной школе.

Пуро являются первыми читателями тех многих советских книг, которые громадными тиражами выходят в Японии — от сочинений Ленина до «Железного потока».

Японские пуро не боятся новаторских опытов. Одни культивируют так называемые «кабэ-сьосэцу» (стенные новеллы) — короткие рассказы, предназначенные для стенгазет, другие пишут киносценарии, приспособленные для чтения, третьи хотят приспособить к пуро-литературным задачам жанр устных повествований профессионалов-рассказчиков токугавской эпохи и т. д.

Главный штаб пуро в Токио в первую очередь занят планированием тематики и подготовкой кадров. Он посылает по всем направлениям так называемые «отряды литературной агитации» — пуро-писателей, которые объезжают промышленные районы и районы крестьянских пауперов, инструктируют там работу литкружков, просматривают рукописи, читают доклады на самые неожиданные темы, читают черновики своих новых произведений без всяких «х»ов. Заседания литкружков в фабричных районах устраиваются с такой торжественной конспирацией, как-будто вместо читки рассказов и пения революционных песен (ставни наглухо закрыты) будут изготавливаться бомбы. Работницы-текстильщицы-интернатки, которым строжайше запрещен выход за ворота фабрики-монастыря-тюрьмы, ночью, после двенадца-

тичасового рабочего дня, мобилизовав всю свою природную женскую хитрость, прокрадываются на заседания. В деревнях литературные кружки выполняют функцию пастеровских станций для крестьян: кругом бегают члены патристической ассоциации военных резервистов и фашистских ячеек «Экономического возрождения деревни».

В японской поэтической антологии восьмого века нашей эры в «Сборнике десяти тысяч листьев» идут, рядом с танками императоров, фрейлин, министров и воевод, произведения безымянных рыбаков и деревенских девушек. Японские профессора-литературоведы любят ссылаться на эту антологию и на биографию одного из первых поэтов Японии, жителя XVII века Басьо, который нищим странником ходил по деревням и жил на подаяния крестьян, самых горячих его меценатов. Соблюдая древнюю традицию, министерство двора каждый год устраивает танковый конкурс на заданную тему. Темы объявляются всенародно в конце каждого года. Примеры тем: «Холодный месяц освещает сливовые деревья», «Тень сосны отражается в воде», «Цапля летит по ясному небу», «Черепаша на скале», «Благородные и простолюдины встречают весну» и т. д. Газеты публикуют результат конкурса и имена лауреатов: пейзаж из глухих провинций, получивших подарки с хризантемным гербом.

Профессора-литературоведы и гиды дают следующее объяснение иностранцам — послу, поэту Полю Клоделлю или какой-нибудь аспирантке рيو-де-жанейрского Азиатского музея, готовящей для издательства «Бразильская академия» том избранных стихов японских поэтов VIII — XII вв.¹:

«У нас в Японии литературная культура проникла в самую гущу демоса. Умеют сочинять стихи все, до последнего батрака включительно. Об этом свидетельствуют наша классическая литература и конкурсы министерства двора».

¹ Дальше XII века эта аспирантка боится идти, так как ей достоверно известно, что в 1201 г. нашей эры в Японию прибыл Давид Бурлюк и окрестил всех японцев в будетлянскую веру.

Когда-нибудь, конечно, не раньше чем через десяток столетий, «Бразильская академия» издаст том произведений японских авторов первой половины XX века с раззолоченной под молитвенник обложкой, суперобложкой, футляром, двумя вступительными статьями и проникновенными комментариями. Если редактор книги — далекий потомок приведенной выше рио-де-жанейрской аспирантки — будет придерживаться фактических данных, то он напишет в предисловии следующее:

«В эпоху «Десяти тысяч листьев» и во времена Басьо среди простых и безвестных рыбаков и возделывателей риса лишь изредка попадались поэты, но в тридцатых годах изумительного, перевернувшего всю историю человечества XX века в Японии, в результате дьявольски-энергичной работы союза пуро-литераторов и сети литературных кружков, каждый третий рабочий и мелкий арендатор научились писать рассказы и стихи, беря материал из своей жизни, составлять лаконичные выразительные корреспонденции о забастовках и аграрных конфликтах, сочинять очень складно и зло летучки, наклеиваемые по ночам на стенах полицейских участков, на особняках директоров заводов и помещиков.

Рабочие и крестьянские литераторы не ограничились публикацией своих сочинений в рукописных журнальчиках, они посылали свои писания в центральные органы: «Пуро-литературу» и «Литературную газету»; там давались подробные критические обзоры продукции рукописных журнальчиков, причем не проводилось никакой разницы между произведениями признанных пуро-писателей-профессионалов и безвестных пролетариев-дилетантов.

Это массовое приобщение японского пролетариата к литературе, сопровождавшееся учащением забастовок на заводах и на рисовых полях, чрезвычайно тревожило тогдашнее правительство. Оно ввиду стремительного обострения внутриполитического положения, стимулируемого экономическим кризисом и войной на материке, открыло серию

репрессивных актов против пуро. Однако борьба не дала никакого эффекта, кроме роста расходов на содержание тюрем и премиальные полицейским. На место каждого убитого¹ или арестованного пуро-литератора становилось десять новых, прошедших учебу в литкружках и на курсах при филиалах. Пуро добились своей цели: пуро-литература стала неистребимой. Одной газете (в Кюсю), организовавшей новогодний конкурс на рассказы, пришлось объявить конкурс несостоявшимся, так как шестьдесят процентов присланных рукописей могли быть напечатаны только на русском языке.

Толстые журналы-ежемесячники, издаваемые издательствами-концернами в связи с левением основного контингента читателей — интеллигенции — должны были печатать все в больших дозах продукцию пуро-литераторов. Последние, не ощущая недостатка в темах и материале, и совершенствуясь в литературной технике, все более оттесняли эгобеллетристов и психографов на задний план в сфере ведущей литературы».

Затем редактор должен будет мимоходом указать на то, что против пуро попробовала выступить группа молодых мэтров и под-мэтров под лозунгом искусства «эро-про-нон» эротики-гротеска-нонсекса), идеологов золотой дансингхолльной молодежи и клерков, мечтающих о роскошной жизни; опубликовав несколько десятков новелл, гимназических упражнений под Морана и изобразив во всех позах времяпрепровождение киноактрис и кельнерш с токийскими денди, группа разбилась на мелкие группки с крикливыми названиями: «нонсенсисты», «неопсихологисты», «дугласисты» и т. д. Появляется группа литераторов, их творчество было критикой официально окрещено «ультра-эро», часть их во главе с Маруки Садо (псевдоним представляет собой япониче-

¹ В начале 1933 г. полиция арестовала одного из лучших пуро-писателей, Кобаяси Такидзи. Ровно через тридцать минут после водворения его в участок он умер. Ровно через тридцать минут!

зованное: маркиз де Сад) печатает свои вещи—эссе на эротические темы — в журналах, другая часть во главе с Умэхара Хокумэй, перейдя полностью на линию порнографии, публикует свои произведения в виде рукописей, пускаемых по рукам; Умэхара прославился, о нем стали писать в журналах, хотя он не напечатал до сих пор ни одной буквы в гласных изданиях.

Наконец, редактор напишет, что против мэтров и против пуро выступили развернутым фронтом «массовые литераторы». Они учреждают «Общество пятого дня» вместе с фашистской группой штаб-офицеров токийского гарнизона. Эти офицеры в свою очередь держат контакт с правым крылом социал-демократов и с террористическими кулацкими организациями. «Массовые литераторы» по команде объявляют центральной темой кровавые события эпохи, непосредственно предшествовавшей перевороту 1868 года—эпохи самураев-террористов, будущих переворотчиков. Причины этой героизации самурайских террористов 60-х годов стали понятны всем, когда по городу Токио и по всем полкам пошли листовки офицеров-фашистов о необходимости «второго мэйдзийского переворота». На ряду с этой беллетристической подготовкой фашистского переворота «массовые литераторы», перейдя на темпы военных заводов, начинают продуцировать серии романов на темы о войне с неким государством на западных границах северной Манчжурии (роман Тани), о победоносной войне на Тихом океане (Наоки, Фукунага), о подвигах японских войск в Манчжурии и под Шанхаем и о прославленном самурае XIV века Кусуноки — японском Пожарском.

Что касается антивоенной пропаганды, проводившейся пуро, то редактор будет иметь многотомный материал, извлеченный из архивов цензурного отдела департамента полиции.

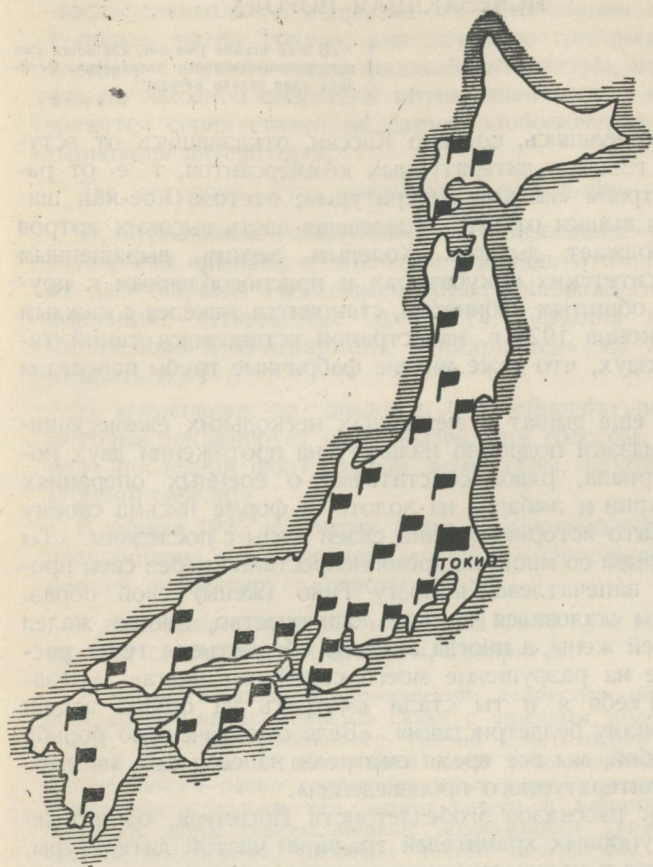
Пуро с первых же дней своей деятельности усердно занялись комментированием официальной истории Японии, показывать как выглядит сзади воспетый всеми клод-фарре-

рами бандзай-патриотизм. Официальная история с дрожью в голосе рассказывает о героических брандерах японо-русской войны, тонувших с радостными «бандзай» у входа в Порт-Артур, чтобы блокировать его. Пуро Такэда в рассказе-монтаже «Пораженчество» дает фактическую поправку: по приказанию командующего действующей эскадрой вызывали матросов, желающих ехать на вышедших из употребления военных транспортах до первого японского порта. Охотников съездить на побывку в Японию оказалось слишком много. Все садились с криками «бандзай». Хлопающие галоши выходили в открытое море, затем «поворот все вдруг»—и направлялись прямо под перекрестный огонь порт-артурских фортов. Другой пуро написал книгу о победоносной экспедиции японских войск в Шаньдунь в 1928 году, вписанной золотыми иероглифами в героическую историю японского воинства. В книге пуро описывается, какое брожение происходило среди героической армии. Этот же пуро (Куродзима) считается специалистом по сибирской интервенции, написал цикл рассказов, разоблачающих «героизм» японского воинства в борьбе с партизанами и мирным населением Приамурья и Приморья. Другие пишут о том, как предусмотрительно японских артиллеристов приковывают к орудиям во время боя, о случаях избиения солдатами ротных командиров за пристрастие к пощечинам, о том, как приходится под предлогом эпидемии срочно выводить войсковую часть во время маневров из деревни, где возникает аграрный конфликт. Редактор приведет длиннейший список произведений пуро, посвященных японской интервенции в Манчжурии и Китае, оговорив, что в свое время все эти вещи не дошли до типографии из-за военно-цензурного террора, объявленного с осени 1931 г.

В конце редактор дает карту Японии, помещенную в январском номере 1933 года «пуро-литературы», с указанием пунктов, где утвердились пуро, несмотря на все контр-атаки белых.

伸び行く文学戦線

日本プロレタリア作家同盟
書記局

ИСЧЕЗАЮЩАЯ ПОРОДА

„В этой стране уже нет, или почти уже нет, художественного творчества. Остались одни только авторы“.

Жироду.

Не задохнувшись, подобно Кассаи, отказавшись от вступления в гильдию литературных коммерсантов, т. е. от работы в стране «низкой литературы», отстояв кое-как шатающиеся вышки от пуро, уцелевшая часть высоких мэтров еще продолжает дышать. Холеным легким, выращенным в университетских инкубаторах и приспособленным к прустовским обшитым кабинетам, становится тяжелее с каждым днем. С конца 1929 г. над страной установился такой тяжелый воздух, что даже многие фабричные трубы перестали дымить.

Мэтры еще дышат в мезонинах нескольких ежемесячников. Танидзаки подробно излагает на протяжении двух номеров журнала, рядом со статьями о военных операциях в Манчжурии и эмбарго на золото, в форме письма своему коллеге Сато историю романа своей жены с последним. «Ты после разрыва со мной все время непрерывно через свои произведения запечатлевал в мозгу Тийо (жены) свой образ. Иногда ты жаловался на свое одиночество, иногда жалел жизнь моей жены, а иногда активно обрабатывал темы, рассчитанные на разрушение моего семейного очага». «Незаметно для себя я и ты стали смотреть на факты жизни сквозь призму беллетристики». «Ведя ожесточенную борьбу между собой, мы все время смотрели на себя как на персонажей литературного произведения».

Сборник рассказов эгобеллетриста Йосимура, одного из наиболее упорных хранителей традиции чистой литературы, выпускается в количестве только пятисот экземпляров: такого рода писания уже являются эзотерическим блюдом для немногих. Один из критиков называл мэтра Танидзака, Сатоми и др., непреклонно продолжающих линию чистой эгобеллетристики и психографии, «знаменитыми среди гурманов ресторанами, находящимися в глухих переулках». Воз-

никло специальное общество по организации сбора денег в пользу мэтра Токуда, имя которого три десятилетия не сходило с первого плана высокой литературы, чтобы спасти его от голодной смерти. В крупнейшей газете «Асахи» печатается серия статей на самую злободневную тему: пауперизация литераторов.

Два островка, куда сползли вымирающие ихтиозавры:

1) журнальчик «Сакухин» («Произведение»), — в этой маленькой кумирне и читают четырнадцатитомное евангелие от св. Марсея и комментируют каббалистические закликания: «frseeeeeeee ronnng», «Bbbbb IIII bbbbb lblobschbg» и «Phillaphulla Poulaphouca» из «Улисса» и «Работа идет»;

2) журнальчик за двадцать сэн «Литературное ревью», который рекламирует себя трагическим голосом: «Наш журнал — последний форт чистой литературы, находящейся под угрозой гибели!»

В апреле 1932 г. критик Аоно официально констатировал прекращение существования «особой корпорации, представлявшей литературу» — касты мэтров.

В ежегоднике газеты «Асахи» на 1933 г., в главе, посвященной состоянию литературы, говорится:

Развитие мировой экономической депрессии обострило общий кризис капитализма. В связи с тяжелым положением рабочих, падением жизненного уровня крестьянской бедноты и мелкой буржуазии, появлением двух с половиной миллионов безработных — резко сократился сбыт книг и журналов. Журналы заняты только тем, чтобы свести к минимуму падение сбыта, и почти совсем лишены возможности думать о мерах охраны литературы, развития чистой литературы, выдвигания и выращивания новых талантов.

Наиболее пессимистически настроенные говорят, что в самом ближайшем будущем беллетристика будет упразднена.

Приезжий переспрашивает:

— «Будет упразднена беллетристика?... Ну, это ваши формалисты треплются».

Гид-туземец вежливо подводит приезжего к книжному прилавку и показывает на только-что вышедшие номера всех ежемесячников. Все номера заполнены писаниями, которые имеют жанровой ярлык: «дзицува», что значит «расказы о том, что происходит в действительности» — «фактография». Гид познакомит приезжего с одним из самых модных литературных арбитров — г. Таникава, который объявил¹, что ныне наступает эпоха нового литературного жанра — «дзицува», призванного заменить собой роман, как в свое время последний вытеснил поэму. Таникава дал следующую классификацию «фактографических писаний». 1) дзицува о необычайных вещах, 2) детективные дзицува, 3) дзицува о смешных вещах, 4) любовные дзицува, 5) политические дзицува — и добавил: «Не исключена возможность, что со временем появятся дзицува о царстве небесном и преисподней».

НАСТУПАЕТ ЭПОХА НЕ-ЛИТЕРАТОРОВ

Дзицува — прямой потомок эгобеллетристики и тех эссеистских упражнений, которые стали культивироваться в «Литературной летописи» Кикуги и в других журналах, редактируемых мэтрами после провозглашения идеи «эссэизации беллетристики».

Сперва эссе писались только профессионалами-литераторами, касались главным образом личной жизни литераторов и около-литературных фактов. Кризис тем наступил раньше, чем можно было ожидать, и тогда эссеистские журналы решили открыть двери для прохожих. Начинается печатание литературных опытов генералов, адвокатов, чемпионов тенниса, гинекологов, дипломатов, статистиков, капельмейстеров, преподавателей шахматной игры, директоров зоосадов, доверенных акционерных компаний. Пригла-

¹ Журнал «Кайдзо» 1933 г., книга 1-ая.

шенные с улицы пишут в чисто-козерийном стиле о том, как нужно воевать с Америкой, о тайнах инфляции, о закулисных комбинациях против кабинета, об олимпиаде в Лос-Анжелосе, о личной встрече с Бенито Муссолини, о браках японцев с европейками, о причинах уменьшения населения подмандатных островов, о жульнических проделках шоферов московских такси — обо всем. Вместо гапльокаев входят в моду так называемые собрания для непринужденных бесед (манданкай); собираются вместе профессора, поэты, офицеры-генштабисты, депутаты, коммерсанты, публицисты, мэтры для разговоров в присутствии стенографистов на различные темы: о политическом кризисе в Японии, о перспективах Манчжоу-го, о технике поднятия затонувших судов с золотом, о коллекционировании редкостей, об инфляции, о чайной церемонии и т. д.

Убедившись в том, что не-литераторы пишут очень дельные эссе и занимательно беседуют на любые темы, мэтры-редактора решили испытать прохожих в качестве беллетристов: предложить не-литераторам писать об интересных случаях из своей жизни. Появились дзицува. Кто-то кстати вспомнил знаменитое изречение поэта-монаха токугавской эпохи Рьоканя: «Ненавижу кушанья, приготовленные поварами, стихи, сочиненные поэтами, буквы, написанные каллиграфами».

В журналах обращаются с такими призывами к читательской публике:

Собираем дзицува!

На следующие темы:

- а) достоверные истории крупных семейных скандалов, происходивших с 1868 г. по настоящее время;
- б) о трагедиях, возникавших в семьях педагогов и военных;
- в) о разводах;
- г) о находках в ночных экспрессах;
- д) о неудачных попытках заработать.

Если у вас имеются истории, основанные на фактах, помимо этих тем, примем с радостью!

С начала 1933 года издательство «Литературной летописи» мэтра Кикуги начинает выпускать журнал, специально, целиком посвященный дзицува, с английским подза-

головком «TOPICS & INFORMATIONS». Объявление о выходе журнала гласит:

**ОСТАНОВИТЕСЬ НА МИНУТКУ!
ОГЛЯНИТЕСЬ КРУГОМ!**

**ОГЛЯНИТЕСЬ В ПРОШЛОЕ!
ВСЮДУ КРУГОМ ВАЛЯЮТСЯ ИНТЕРЕСНЫЕ ИСТОРИИ!
ВЫБЕРИТЕ ОСОБЕННО ИНТЕРЕСНЫЕ И ПОШЛИТЕ
С ВЕСЕННИМ ПОПУТНЫМ ВЕТЕРКОМ В НАШ
ЖУРНАЛ!**

А в одном из первых номеров редакция журнала объявила следующие темы на дзицува для очередной книжки:

ИСТОРИИ О ТОМ, КАК СЪЕЛИ ЧЕЛОВЕКА.

**О СЛУЧАЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ В ПИЩУ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЯСА.**

**ИСТОРИИ О ТОМ, КАК КАКОЕ-НИБУДЬ ДЕЛО
БЫЛО СМЫТО КРОВЬЮ.**

Основной круг тем дзицува—курьезные инциденты, аферы, фамильные скандалы и трагедии, кровавые истории—совпадал с темами газетных хроник происшествий. Литература дзицува — дополним г. Таникава — это развернутая беллетризованная хроника происшествий, занимающая обычно третью страницу японской газеты¹.

¹ Жанр дзицува возникает одновременно и у пуро и в читивных ежемесячниках «массовой литературы». Беру номера читивных ежемесячников «Восход солнца» и «Король. Они переполнены дзицува на военные темы. Авторы — военные корреспонденты и офицеры. Напр.:

«Одобренные Военным министерством описания боев». (Следуют описания ряда сражений в Манчжурии и в северном Китае — написаны очевидцами, военными корреспондентами столличных газет).

«Записи о тайном проникновении в расположение неприятельских войск» — полковник Сакураи.

Но после третьей страницы в литературные журналы мэтров полезли и остальные газетные страницы, т. е. те страницы, где шли телеграммы спецкоров, интервью и поли-

тические сенсации и биржевые бюллетени. «Литературной летописи» и другим органам эссе и дзицува приходится уделывать все большее количество страниц для писаний на темы текущей политики и экономики. «Синтьо», бессменный официоз высокой литературы, до последнего времени никогда не печатавший ничего, что не имело бы непосредственного отношения к литературе, вдруг отводит почетный угол серии статей военного публициста Хирата о японо-советской войне на отрогах Хингана.

Иначе нельзя. Потому что читатели журналов с осени 1931 г. стали каждое утро просыпаться от колокольчиков продавцов газет, где сообщается об изменениях границ империи за истекшую ночь, об очередном покойнике-министре и о последнем антиправительственном заговоре справа и слева.

Редакторам-мэтрам приходится обращаться к толпе, собравшейся на тротуаре перед редакцией, не только с просьбами присылать истории о том, как едят людей, но и с анкетами на пространные темы. Приходится срочно изучать

«Повесть о шпионской войне во всем мире» — капитан-лейтенант Накадзима.

«Американский флот обнажил клыки» — военный публицист Хирата Синсаку.

«Рассказы, присланные с передовых позиций», — капитан артиллерии Китагаза.

И т. д. в этом роде.

Когда мэтры и чтивные журналы стали культивировать дзицува, пуро принялись за оформление нового жанра «хококу-бунгаку» — «репортажная информационная литература», подразумевая под этим фотোগрафические рассказы рабочих, крестьян, солдат и учащихся. Возникает серьезная дискуссия о методологии «информационной литературы». Пуро-критика уже гордится напечатанными в 1932 г. в «Литературной газете» образцами пуро-дзицува: «Дневник солдата-участника Шанхайской экспедиции», «Военный завод, на котором чуть-чуть не произошел взрыв», «Один день на нашей фабрике» и др. Шестая часть опубликованных произведений «информационной литературы» была на антивоенные темы.

идеологию и вкусы племени поставщиков дзицува; это племя до недавнего времени мэтры знали только через окна кабинетов и такси.

В начале 1933 года «Литературная летопись» обратилась к читателям — представителям учащейся молодежи — с вопросом: «Как вы смотрите на сегодняшнюю действительность Японии?», назначив премии за самые толковые ответы.

Премиированные ответы пропитаны глубокой тревогой:

Я думаю, что сейчас еще не наступил настоящий «чрезвычайный момент», о котором кричат все время. Отныне положение вещей станет еще более хаотичным. Думаю, что изменение социального строя, в той или иной форме, неизбежно.

К. С. 23 лет).

... Мне кажется, что весной 1932 г. была такая же напряженность, какая была в годы перед мэйдзийским переворотом 1868 г. Полагаю, что скоро вспыхнут какие-то события.

(Кобаяси, 24 лет).

Наблюдая за положением вещей в настоящее время, остро ощущаешь необходимость осуществления коренного переустройства под именем «Обновление правления эры Сьова», которое должно сменить «Обновление в 1868 г.».

(Тэраясу, 20-ти лет)

С двадцатилетним Кобаяси и Тэраясу переключается из Лондона семидесятилетный Одзакэ Юкио, занимавший в свое время посты министра просвещения и юстиции, семнадцать раз избиравшийся в парламент, старейшина японского либерализма. Предчувствуя близкую смерть, он опубликовал в прессе исповедь под названием: «Вместо могильной надписи», в которой торжественно заявляет:

Тот, кто спокойно, бесстрастно посмотрит на японскую действительность сейчас, поймет, что и в политике, и в экономике, и в финансах, и в военном деле, и в сфере идеологии — во всем наблюдается полный распад. Эпоха палиативных мер прошла. Необходима реформа с фундамента!

Внуки-студенты и дед-экспминистр приходят к одному и тому же заключению. Как бы сговорившись, они вызывают в памяти атмосферу 50 — 60-х годов прошлого столетия,

когда самурайская молодежь точно так же твердила о неизбежности скорого перелома в жизни страны.

Внукам и деду вторит теоретик дзицува Таникава: эпоха дзицува — это «эпоха дилетантизма, которая наступает всякий раз в переломные критические эпохи, когда существующие формы культуры рушатся под напором жизненной действительности».

Самурайские юноши не представляли себе, как пройдет «обновление» — кто окажется наверху после разжалования токутавского сьогунa — кьотоский император или князь Сацума, или может быть всем придется разрезать животы в результате победы европейских и американских десантов.

Сейсмографы эксминистра, его внуков и мэтра-критика еще менее точны, чем самурайские приборы XIX века, потому что самураи самолично участвовали в антисьогунском движении, а эти сидят на «ничьей земле» между двумя линиями окопов.

БИССИРОВАНИЕ ТОГО, ЧЕГО НЕ ВИДЕЛ И. А. ГОНЧАРОВ

Мой фрегат оказался куда удачливее гончаровской «Паллады». Он вошел не в глухую нагасакскую бухту, — ему удалось подойти к самой синагавской набережной Токьо.

Гончарова пускали на берег, но только на приемы к губернатору. А я и не пытался сойти на берег, так как на берегу стояли те самые самурайские чиновники, с которыми наш романист имел дело в 1854 году. Им стукнуло сто девятнадцать лет¹, но как они чудесно сохранились! Все надели очки-мениски, сменили халаты с гербами и штофные юбки на черную форму с позолоченными пуговицами, кисти с походной тушницей — на самопишущие ручки, оставили только кое-какую служебную терминологию. Например, в

¹ Считаю, что в 1854 г. им было в среднем сорок лет.

токугавские времена русских, которых бурия выбрасывала на японские берега, сьогунская администрация и обыватели именовали «красными» — акахито (см. проф. Исида Того — «Восемь лекций по истории Мэйдзийского переворота»). Этот термин в отношении русских сохранился до наших дней.

Кроме неожиданной встречи с знакомыми Гончарова, меня подстерегали другие сюрпризы.

Узнав о приходе моего фрегата, японцы решили биссировать сцены 50—60-х годов, которые Гончарову случайно не привелось увидеть. Юноши из провинции Мито, отрубившие среди бела дня голову сьогунскому премьер-министру Ии и охотившиеся на других вельмож, те самые — снова показались на токийских улицах весной 1932 г., объявив себя «Группой кровавой клятвы».

Отважные фехтовальщики из отряда Синсэнгуми, сформированного эдоским правительством для расправы с неблагонадежными, теперь, переименовавшись в членов патриотических ассоциаций, пробуют свое искусство на левых.

Казненные токугавскими губернаторами за попытки пробраться на иноземные суда, чтобы уехать в неведомый мир, воскресли и снова стали забираться в трюмы пароходов, заходящих в порты Японии.

Снова токийцы стали читать произведения тюремной литературы — жанра, весьма популярного в середине XIX века. Только вместо стихов и посланий, написанных китайской латынью сьогунскими узниками, нынешние заключенные пишут белые стихи и письма, испещренные японизованными европейскими словами. А вместо ходивших по рукам знаменитых, вошедших в историю японской литературы «Писем к матери», написанных в тюрьме крупнейшим западоведом Сакума, теперь на страницах крупнейшего журнала печатаются «Письма к отцу» вождя пура — Курахара, проходящего курс лечения туберкулеза в итигаяской тюрьме.

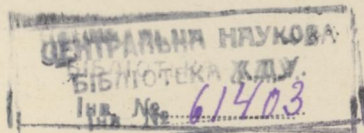
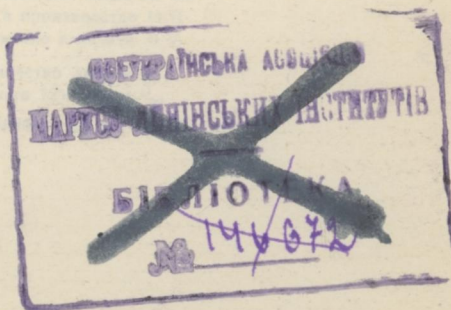
Всего этого пассажир «Паллады» не видел. Его пессимизм

относительно судьбы Нарабаяси — молодых японцев второй половины XIX века — был опровергнут историей ровно через четырнадцать лет.

Фрегат отходит от берегов литературной Японии. С берега летят через голову выстроившихся на пристани людей в черных мундирах прощальные приветствия сегодняшних Нарабаяси — членов Федерации пуро.

Веселые крики предков завтрашней литературы японских островов!

Москва, 1933 г.

Художник И. Николаевцев
Ответ. редактор К. Зелинский
Техредактор Н. Греймер
Уполномочен. Главлита № В-71930

С. Л. № 94

Тираж 500 экз. Заказ № 407

Сдано в производство 11/II

Подписано к печати 31/V

Количество листов $6\frac{1}{4}$

Бумага 72×110 см $\frac{1}{32}$

Тип. газ. „Правда“, ул. им Горького, 48

Ученый Н. Н. Никольский
Одесская губерния, М. Звенигород
Телеграфный ст. Л. П. П. П.
Ученый, Ласкита 26-1130

С. А. 26 21
Телеграфный ст. Л. П. П. П.
Одесская губерния, М. Звенигород
Телеграфный ст. Л. П. П. П.
Ученый, Ласкита 26-1130
Телеграфный ст. Л. П. П. П.
Ученый, Ласкита 26-1130

